

Д. ВОЛЫНСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЮРЬМА. СЕКС И НЕМНОГО ДЕНЕГ

18+

Дмитрий Волынский

Тюрьма. Секс. И немного денег.

<https://litres.ru/74066538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Влюбиться в заключённого Артура проще простого. А в секс с ним еще проще.

Для внешнего мира Артур — заключенный, зэк, хищник, которого общество изолировало от греха подальше. Но для женщин он — абсолютный магнит. Его властный голос в телефонной трубке заставляет забыть о здравом смысле, а редкие, выстраданные свидания в серых стенах тюрьмы обжигают сильнее любого курортного романа. Роман с заключенным — это игра на пороховой бочке, где каждый шаг может стать последним.

Она думала, что спасает его своей любовью. Она верила, что знает о нем всё. Но тюремные стены неохотно раскрывают чужие секреты.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	32
Глава 3.	58
Глава 4.	88
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дмитрий Волынский

Тюрьма. Секс. И немного денег.

Глава 1.

— Так сколько конкретно ты ему перевела?

Голос Кристины прозвучал обманчиво мягко, но в этой мягкости чувствовался холодный стальной стержень. Она сидела напротив, изящно покачивая в руке бокал с прозрачной минеральной водой, в которой тихо таяли идеальные кубики льда.

Анна вздрогнула и инстинктивно вжала голову в плечи. Она чувствовала себя бесконечно маленькой, глупой и абсолютно чужой в этом огромном, залитом приглушенным светом зале панорамного ресторана на тридцатом этаже «Москва-Сити». Вокруг тихо звенел хрусталь, официанты в безупречных смокингах бесшумно скользили между столами, а за панорамным стеклом расстилалась вечерняя Москва — шикарная, хищная, сверкающая миллиардами огней.

Для Анны весь этот блеск был глубоко чуждым, почти пугающим. Меню, которое ей принесли, она закрыла сразу же, едва взглянув на цены: три тысячи рублей за салат казались

ей безумием. Она заказала лишь самый дешевый чай, но даже к нему боялась прикоснуться.

— Больше миллиона, — едва слышно выдохнула Анна. Её пальцы судорожно сжали края скромной кожаной сумки, лежащей на коленях. — Если быть точной... миллион двести тысяч. С копейками. Я уже сбилась со счета, Кристина.

Кристина даже не моргнула. Её идеальное лицо осталось абсолютно спокойным, словно она слушала отчет о закупке канцелярских скрепок.

— Распиши мне структуру долга, — потребовала Кристина, достав из сумочки изящный золотой паркер и дорогой блокнот в кожаном переплете. — Мне нужны цифры. Конкретика.

— Сначала я отдала все свои накопления, — послушно, как на допросе, заговорила Анна, чувствуя, как к горлу подступает удушливый ком стыда. — Это были деньги, которые я откладывала пять лет. Потом... потом он сказал, что в колонии начались проблемы. Говорил, что начальник отряда грозит перевести его в штрафной изолятор, если не заплатить. Я пошла в банк. Взяла один потребительский кредит, потом второй. Когда крупные банки начали отказывать из-за моей маленькой зарплаты, я... я пошла в микрозаймы. Занимала у коллег, у матери, у старых знакомых под честное слово. Я заложила свою старую машину, Кристина! Хотя она и очень дешевая, но она ездила! Всё до копейки уходило на карты, которые он мне присылал. На имена каких-то незна-

комых людей. Он клялся, что это для адвокатов, для УДО, для его безопасности...

Кристина подалась вперед, её взгляд стал еще острее.

— Покажи. Мне нужно увидеть, чем именно он тебя держал, пока ты опустошала счета.

Анна дрожащими пальцами разблокировала экран телефона и протянула его через стол. На экране светилось последнее сообщение: *«Любимая моя, ты у меня одна. Как только выйду — мы заживем как короли, лучшие всех. потерпи еще немного, я всё для нас делаю. Только ты меня понимаешь. Моя любимая Анька... Я буду целовать тебя так, как ты любишь...Помнишь, как я это делаю?»*.

Кристина скользнула по экрану равнодушным взглядом, затем достала свой телефон, набрала короткий код и небрежно сдвинула устройство по столу в сторону Анны.

— А теперь сравни. Это пришло мне вчера вечером.

На экране Кристины горел текст: *«Солнце, ты моя единственная опора. Скоро мы будем жить лучшие всех, ни в чем себе не отказывая. Никто, кроме тебя, меня не понимает. Ты моя настоящая любовь Крис! А секс с тобой это самое незабываемое в моей жизни. Как же я люблю входить в тебя...Уже жду следующего свидания»*.

Анна перевела взгляд с одного экрана на другой. Слова начали плыть перед глазами. Одинаковые фразы, одинаковая ложь, рассылаемая по разным адресатам, как по шаблону.

Кристина Ковалева откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на свою собеседницу. Между ними лежала ментальная пропасть размером в целую жизнь.

Кристина — успешный московский нотариус и жесткий корпоративный юрист с многолетним стажем. За её плечами были разделы многомиллиардных активов, суды с крупными девелоперами и дела калибра семьи Потаниных. Она знала цену каждому слову, каждому бланку и каждому человеческому пороку. На парковке внизу её ждал белоснежный «Порше», а её жизнь была подчинена строгому порядку.

Анна — обычный провинциальный архивариус, живущая на окраине Москвы с десятилетним стажем работы среди пыльных папок и пожелтевших документов. Тихая, незаметная, привыкшая считать каждую копейку от зарплаты до зарплаты. Женщина, чья жизнь протекала в полумраке государственных архивов, пока в неё ураганом не ворвался он.

— Миллион двести, значит, — Кристина сделала аккуратную запись в блокноте. — Что ж. Мои потери масштабнее в абсолютных цифрах, но, признаю, для твоего бюджета это катастрофа.

— Вы... вы тоже платили ему? — Анна подняла на неё полные надежды и боли глаза.

— Разумеется, — Кристина холодно усмехнулась, и в этой улыбке не было ни капли тепла. — Я закрыла его долги на воле — около двух миллионов рублей. И лично передала четыре миллиона рублей человеку, который должен был ор-

ганизовать его реальное УДО через Тверское управление. Артур Сергеевич умеет убеждать. Это его главный и, пожалуй, единственный талант. Он гениальный психопат, Аня. Манипулятор высшей пробы, который выстраивает свои схемы вокруг женщин, безошибочно нащупывая их самые уязвимые места: одиночество, жалость, нереализованный инстинкт спасательницы.

— Но зачем? — прошептала Анна, качая головой. — Зачем ему столько? Он ведь бригадир хозотряда в ИК-5, у него там и так особый статус, ключи от переходов, власть...

— Власть внутри периметра требует денег, Аня. И немалых, — отрезала Кристина. — Алкоголь, телефоны, разные вещества, подкуп надзирателей вроде прапорщика Смирнова... Он живет там как король за наш счет. Но самое забавное не это. Знаешь, что самое интересное в нашей ситуации?

Анна покачала головой.

— То, что он был абсолютно уверен: мы никогда не встретимся. Ты сидишь в своей однушке где-то на окраине, копаешься в архивах и шлешь ему последние гроши. Я кручусь в центре Москвы, веду дела серьезных людей и оплачиваю его счета здесь. Две параллельные прямые, которые контролирует один кукловод, сидящий за колючей проволокой ИК-5 в поселке Торфяной.

Кристина закрыла блокнот, и этот глухой звук прозвучал в тишине ресторана как финальный аккорд. Она наклонилась чуть вперед, так что Анна уловила тонкий, едва заметный

аромат её дорогих французских духов — холодных, с нотами амбры и сухого дерева.

— Мы здесь не для того, чтобы плакать друг другу в жилетку, Анна, — жестко произнесла нотариус. — У меня нет времени на женскую солидарность и сопли. Я пригласила тебя сюда, потому что ты — мой единственный ключ к его изнанке. Ты десять лет работаешь с базами данных, реестрами и архивами. Ты умеешь искать то, что люди тщательно прячут. А мне нужно знать о нем всё. Каждую его связь, каждую копейку, которую он вывел».

— Но как мы начнем? — в глазах Анны, помимо страха, впервые зажегся слабый огонек чего-то другого. Злости? Жажды справедливости? Или просто отчаяния загнанного в угол зверя? — Он ведь там. Заперт.

— Он не так заперт, как тебе кажется, — Кристина едва заметно сузила глаза. — И его империя держится на ниточках, которые мы начнем резать одну за другой. Но сначала... Расскажи мне, как именно ты на него попала. Мне нужно понять его паттерн поведения с самого начала.

Анна глубоко вздохнула, глядя на то, как за окном, в иссиня-черном небе Москвы, загораются огни высоток. Воспоминания, которые она так пыталась заглушить последние дни, снова хлынули наружу, возвращая её в тот душный, серый день, когда её привычный, безопасный мир архивных полок рухнул раз и навсегда.

— Это случилось почти пять лет назад... — тихо начала

она.

Воспоминания, которые она так пыталась загнать в самый дальний угол своего сознания, хлынули наружу обжигающей, бесстыдной волной.

Это был грандиозный совместный корпоратив. В огромном, арендованном под завязку банкетном зале праздновали слияние и закрытие года сразу несколько крупных компаний-партнеров. Вокруг царил хаос из элитного алкоголя, неона, оглушительных басов и фальшивых улыбок. Анна, в своем скромном, купленном на распродаже темно-синем платье, чувствовала себя невидимкой. Тихий архивариус, привыкший к пыльной тишине и пожелтевшим страницам, она стояла у фуршетной стойки, мечтая незаметно сбежать домой.

И тут появился он.

Артур возник словно из воздуха. На нём был безупречный угольно-черный костюм, идеально подчеркивающий широкий разворот плеч, модная рубашка с расстегнутым воротом и дорогие часы, поблескивавшие в свете софитов. Но дело было даже не в одежде. От него исходила дикая, хищная, почти животная энергетика. Когда его темный, пронизывающий взгляд лениво скользнул по толпе и намертво зафиксировался на Анне, у неё перехватило дыхание.

— Знаешь, среди всей этой ярмарки тщеславия ты — единственная настоящая, — его низкий, бархатный голос с

легкой хрипотцой прозвучал прямо над её ухом.

Анна обернулась и утонула в его глазах. В них горел опасный, гипнотизирующий огонь. Артур улыбался — хитро, уверенно, как человек, который заранее знает ответ на любой свой вопрос. Он заговорил с ней, и весь остальной мир с его шумом и музыкой мгновенно перестал существовать. Он расспрашивал её об архивных тайнах с таким неподдельным, жадным интересом, словно слушал откровение пророка.

Анна чувствовала, как внутри неё, глубоко под кожей, начинает разгораться свирепый, незнакомый пожар. На неё никогда не смотрели *так*. По-мужски голодно, бесстыдно, раздевая каждым движением ресниц. К середине их разговора, пока он небрежно крутил в ладони бокал с виски, Анна поймала себя на абсолютно безумной, грязной мысли. Она смотрела на его четко очерченные губы, на сильные, крупные пальцы и понимала, что хочет его прямо здесь. Плевать на приличия, плевать на то, что они едва знакомы — в её голове крутились такие откровенные, пошлые сценарии, от которых лицо заливал густой румянец. Она мысленно уже срывала с него этот чертов дорогой костюм и представляла, как держит в руках его достоинство, задыхаясь от собственной смелости. Она хотела, чтобы этот мужчина подчинил её себе, сломал её привычную правильность.

— Большинство людей здесь не понимают, как строится настоящий бизнес, — Артур понизил голос, делая глоток виски и глядя на толпу с легким пренебрежением. — Они иг-

рают в «эффективный менеджмент», а я предпочитаю договариваться там, где нужны реальные рычаги давления. Иногда приходится быть... скажем так, очень убедительным, чтобы получить желаемое.

Анна почти не слушала суть его слов — она тонула в тембре его голоса. Её пальцы, словно живущие отдельной жизнью, потянулись к лацкану его пиджака. Она чуть потянула за край дорогой ткани, её взгляд был прикован к его губам, к открытой линии шеи, к уверенной позе. Она пожирала его глазами, и этот неприкрытый, дикий голод был настолько очевиден, что Артур не мог его не заметить. Он перехватил её руку — его ладонь была горячей и тяжелой — и не отпустил, а чуть надавил на её запястье, притягивая её ближе, в свое личное пространство.

— Ты смотришь на меня так, будто уже раздела догола, — усмехнулся он, и в этой усмешке не было осуждения, только хищный вызов. — Я вижу, как у тебя горят глаза, Аня. Ты ведь сейчас думаешь вовсе не о бизнесе. Тебе тесно в этом платье, тебе тесно в этих придуманных правилах. Ты хочешь, чтобы я это исправил?

Анна замерла, широко открыв глаза. Сердце в груди пропустило удар, а потом забилось с удвоенной силой, отдаваясь гулким эхом в висках.

— Я... я не знаю, Артур, — прошептала она, опуская взгляд, чувствуя, как щеки вспыхнули ярким румянцем. Она нервно поправила бретельку платья, стараясь скрыть преда-

тельскую дрожь в пальцах. — Ты пойми, я совсем отвыкла от всего этого. Я ведь почти не бываю на таких праздниках. Я даже не помню, когда в последний раз ко мне кто-то подходил, тем более такой мужчина, как ты. Я для всех обычно... просто незаметная. Я вообще не знаю, как себя вести. Я просто... я просто страшно растерялась.

— Ну ладно... — Артур вдруг наклонился так близко, что его дыхание обожгло её шею. — Поехали отсюда? Подальше от этих клоунов. Поедем к тебе.

Анна замерла, не веря собственным ушам. Сердце заби-лось где-то в горле. *К ней?*

— К-ко мне? — заикаясь, переспросила она. — Но Артур... я живу на самом отшибе. На окраине, в старой, крошечной панельке. Там даже ремонта нормального нет, и...

— Мне плевать, где ты живешь, — перебил он её, и в его голосе прорезались жесткие, властные нотки, от которых у неё сладко заныло внизу живота. — Я хочу тебя, а не твою квартиру. Едем. Живо.

Она шла за ним к выходу как под гипнозом, едва поспевая за его широким шагом, и до последнего момента думала, что это какой-то затянувшийся, слишком идеальный сон.

Они едва успели захлопнуть за собой дверь её маленькой однушки на окраине города. Не было никаких красивых ухаживаний, медленных прелюдий или романтики. Едва щелкнул замок, Артур резко рванул её на себя. Его губы впились в её рот с такой яростной, сокрушительной силой, что Анна

тихо застонала от боли и удовольствия одновременно.

Он потащил её в спальню, на ходу срывая одежду. Ткань её дешевого платья с треском лопнула по шву, но Анне было плевать. Ей руководило первобытное, ослепляющее желание. Когда они рухнули на её старую кровать, Артур мгновенно перехватил инициативу, навалившись сверху всем своим тяжелым, мускулистым телом. Он зафиксировал её запястья над головой одной рукой, намертво прижав к матрасу.

— Смотри на меня, — приказал он, тяжело и часто дыша. В темноте его глаза казались абсолютно черными, лишенными зрачков. — Смотри на меня, сука.

Анна всхлипнула, выгибаясь навстречу его телу. Он не просто занимался сексом — он брал её штурмом, ломал её волю, превращая в пластилин. Когда он вошел в неё — резко, глубоко, без предупреждения — Анна вскрикнула, вонзая ногти в его широкую спину. Ритм, который он задал, был жестким, почти на грани фола. Кровать жалобно скрипела, а Артур с каждым толчком становился всё грубее.

— О да... какая же ты узкая... послушная, — хрипел он, вбивая её в жесткий матрас, заставляя Анну буквально задыхаться от плотского, изнуряющего наслаждения. — Тебе ведь нравится, когда тебя имеют как последнюю дрянь, да? Говори!

— Да... Да, Артур! Боже, сильнее... пожалуйста... — Анна стонала, запрокидывая голову, её волосы разметались по подушке, а по лицу текли слезы пополам с потом.

— Чья ты теперь, а? Чья ты сучка? — рычал он, перехватывая её за талию и бесцеремонно переворачивая на живот, заставляя встать на колени. Он входил в неё снова и снова, с каждым разом всё сильнее, не оставляя ей ни единого шанса на глоток воздуха. — Ты моя. До капли. Будешь делать всё, что я скажу. Поняла меня, мразь маленькая? Будешь умолять меня каждый раз.

— Твоя... только твоя... — захлебывалась криком Анна, сжимая в кулаках простыни до хруста в пальцах.

Его грязные, унижительные слова не оскорбляли её в тот момент — они действовали как самый сильный афродизиак, выжигая остатки разума, проникая в самую глубь её подсознания. Он стирал её личность, переписывал её код под себя. Когда её накрыл оглушительный, судорожный оргазм, Артур сделал последнее, мощное движение и со стоном разрядился внутри неё, навалившись сверху и придавив к постели своим горячим телом.

Анна замолчала, тяжело дыша, словно только что заново пережила ту ночь. Её руки тряслись так сильно, что чай в чашке пошел мелкой рябью.

— Самое страшное, Кристина... — тихо добавила Анна, поднимая глаза. — Знаешь, почему он поехал именно ко мне, на окраину, хотя у него явно были деньги на лучший отель в центре? Чтобы оставить своего призрака в моих стенах. Чтобы я потом каждый день, приходя с работы, смотрела на эту кровать и вспоминала, как он лежал на ней. Как он

владел мной. Это был капкан.

Кристина молча выслушала её историю. На её ухоженном лице не отразилось ни тени смущения или брезгливости. Напротив, в её глазах зажглось холодное, профессиональное понимание. Она слегка повернула голову, и её бриллиантовые серьги поймали блик от неоновой вывески за окном.

— Классический психологический якорь, — ледяным тоном резюмировала Кристина. — Он профессионально зачистил твою территорию безопасности, Аня. Лишил тебя дома, превратив его в свой алтарь. Подчинение через деградацию и постель — его любимый метод с женщинами определенного психотипа. Он ломал тебя грязью, потому что знал: тихие девочки от этого теряют голову быстрее всего. Ты была для него легкой дичью. Идеальным, послушным пластилином.

Кристина замолчала, а затем продолжила.

— Но со мной его стандартный сценарий не сработал, — Кристина сделала небольшой глоток ледяной воды и хищно сузила глаза. — Теперь моя очередь, Аня. И поверь, моя история знакомства с этим «гением» началась совсем в других декорациях. Я не была случайной жертвой на корпоративе. Я познакомилась с ним, когда он уже сидел в тюрьме.

Анна удивленно вскинула брови, забыв про свой остывший чай.

— В тюрьме? Но как успешный нотариус...

— Генерал Виктор Петрович, — усмехнулась Кристина. — Тот самый начальник Тверского УФСИН. У него когда-то

были серьезные проблемы с активами его сыночка, и я помогла закрыть дело так, что комар носа не подточил. Год назад он позвонил мне лично и попросил об «особом одолжении». В ИК-5 сидел очень полезный для него человек — бригадир хозотряда Артур Романов. Ему нужно было срочно оформить сложнейшую генеральную доверенность на управление внешними счетами. Дело было деликатное, нужен был нотариус с безупречной репутацией и закрытым ртом. И я, из уважения к генералу, поехала в этот клоповник в Торфяном.

Кристина сделала глоток кофе, и в её глазах мелькнула мрачная тень.

— Я зашла в административный кабинет колонии, — продолжила Кристина, понизив голос. — Вокруг обшарпанные стены, запах хлорки, дешевого табака и безнадёги. И тут заводят его. Он даже в тюремной робе выглядел так, будто это дизайнерский костюм. Мы сели за стол. Я достала документы.

Артур сразу всё понял. Ему хватило нескольких секунд, чтобы отсканировать меня с ног до головы. Мой строгий, но баснословно дорогой костюм от Chanel, часы Patek Philippe, небрежно брошенные на стол ключи от «Порше». Он мгновенно считал мой статус, мою самоуверенность и мои деньги. Он понял, что перед ним сидит золотая жила.

Он не стал вести себя как зэк. Он заговорил со мной на идеальном юридическом языке, проявил поразительную эрудицию. Но главное — его взгляд. Он смотрел на меня не как

на нотариуса, а как на красивую, опасную женщину.

— Вы слишком роскошны для этого места, Кристина Викторовна, — тихо сказал он тогда, подписывая бумаги. — За этой ледяной броней корпоративного юриста скрывается женщина, которой дьявольски скучно. Вы ведь устали от мужчин, которые заглядывают вам в рот из-за ваших связей и денег?

Я промолчала, но он ударил в самую точку. После той встречи он начал действовать. У него был нелегальный телефон, и он стал звонить мне по ночам. Он ухаживал за мной из-за колючей проволоки так, как никто не ухаживал на воле. Он читал мне стихи, мы часами обсуждали бизнес, философию. Он приучил меня к своему голосу. Я, женщина, которая привыкла контролировать всё, начала терять голову. И через два месяца я сделала то, что никогда бы не позволила себе в здравом уме. Я приехала к нему в ИК-5 на длительное свидание. На свидание к заключённому!

Мы встретились в комнате длительных свиданий. Решетки на окнах, скрипучая кровать, тусклая лампочка. Но когда за нами лязгнул железный засов, декорации перестали иметь значение.

Артур даже не стал тратить время на прелюдии или разговоры. Едва дверь закрылась, он подошел ко мне, схватил за лацканы моего шелкового плаща и с силой впечатал меня спиной в холодную стену.

— Ну что, госпожа нотариус, — прошептал он, и в его

глазах горела дикая, первобытная ярость, от которой у меня перехватило дыхание. — В Москве ты решаешь судьбы миллиардов. А здесь, в этих стенах, ты просто моя женщина. И я буду делать с тобой всё, что захочу.

Он не целовал меня — он владел мной. Его губы были жесткими, требовательными. Он разорвал на мне блузку, так что пуговицы с треском разлетелись по бетонному полу, и швырнул меня на эту убогую, жесткую кровать. Я пыталась что-то сказать, вернуть хоть каплю контроля, но он мгновенно перехватил мои руки, намертво зафиксировав их над моей головой одной своей тяжелой ладонью.

— Молчи, — рыкнул он, грубо раздвигая мои бедра. — Сейчас ты забудешь все свои законы.

Когда он вошел в меня — резко, мощно, без всякой подготовки — я вскрикнула, до боли закусив губу. Он входил невероятно, до сумасшествия глубоко, вышибая из меня дух с каждым безжалостным толчком. Кровать ходила ходуном, скрипели пружины, а Артур наращивал темп, превращая секс в акт абсолютного доминирования.

— Чувствуешь, как глубоко? — хрипел он, вбивая меня в матрас. Его пальцы оставляли багровые синяки на моих бедрах. — Кто здесь главный, Крис? Отвечай!

— Ты... — выдохнула я, срываясь на стон. Моё тело выгибалось навстречу его ударам, мозг отключился полностью. — Артур... еще... жестче!

— Я выбью из тебя всю твою спесь, богатая сучка, — ры-

чал он, переворачивая меня на живот и сгребая волосы на затылке в кулак, заставляя прогнуться. Он входил в меня так сильно и глубоко, что перед глазами летали искры. — Будешь умолять меня каждый раз, когда я буду тебя брать!

Я кричала, теряя остатки рассудка, ногтями впиваясь в несвежие простыни. Меня в жизни так никто не брал. Мои лощенные московские ухажеры всегда боялись сделать мне больно, боялись моего статуса. А Артур... он ломал меня, уничтожал мою гордость, и я получала от этого извращенное, абсолютное наслаждение. Когда меня накрыл оргазм, он был такой силы, что я чуть не потеряла сознание, содрогаясь под его тяжелым, потным телом.

Кристина замолчала. Её пальцы слегка дрожали, когда она поправила идеальную укладку. Анна сидела напротив, совершенно оцепеневшая от этой откровенности.

— На следующий день, когда я вышла за ворота колонии, я физически не могла нормально идти к своей машине, — Кристина горько усмехнулась. — Каждое движение отдавалось ноющей болью внизу живота, мышцы сводило судорогами, а на бедрах и талии горели синяки от его пальцев. Но, видит Бог, мне это дьявольски нравилось. Я шла к своему бронированному «Порше» и улыбалась как ненормальная.

Она сжала бокал так, что побелели костяшки.

— После той ночи я превратилась в сумасшедшую. В одержимую. Я, циничный юрист с железной хваткой, думала только о нём и о сексе с ним. Это стало клинической манией.

Представь себе: я сижу в своем роскошном офисе. Напротив меня сидят серьезные, влиятельные клиенты, миллиардеры, обсуждают раздел крупного строительного холдинга. Они машут графиками, спорят... А я их не слышу. Вообще. Я смотрю сквозь них и вспоминаю тюремную палату. Я закрываю глаза и буквально кожей чувствую, как Артур жестко прижимает меня к стене, как его горячий рот жадно целует мою грудь, как он до боли кусает соски... Я вспоминала этот животный запах, его грубый голос, и то, как глубоко он в меня входил. Я ерзала на своем дорогом кожаном кресле от возбуждения прямо посреди переговоров!

Взгляд Кристины внезапно ожесточился, возвращаясь к своему привычному, холодному состоянию.

— Я жила от свидания до свидания. Я была слепа и уязвима. И именно в этот момент, когда я сидела на крючке его животной страсти, он начал аккуратно, шаг за шагом, выкачивать из меня деньги. Карточные долги, подкуп надзирателей, взятки для УДО... Я закрывала глаза на всё, просто переводила миллионы, чтобы сохранить свою иллюзию.

Кристина наклонилась вперед, и в её глазах вспыхнул ледяной, расчетливый огонь.

— Он думал, что сломал нас. Но он ошибся. Он оставил нас обоих с разбитым сердцем и пустыми счетами, но он забыл, что разъяренная женщина, которой нечего терять, страшнее любого генерала УФСИН.

Кристина открыла свой кожаный блокнот и перелистнула

несколько страниц назад, где мелким, убористым почерком были записаны даты и факты.

— Его биография — это учебник по превращению успешного человека в чудовище, — сухо начала она. — Начнем с того, что Артур никогда не был женат. В его паспорте не было ни одного штампа. Женщины для него всегда были либо временным развлечением, либо топливом для его эго и бизнеса. Он классический одиночка, волк-претендент.

Анна внимательно слушала, боясь пропустить хоть слово. Прошное Артура до их знакомства всегда оставалось для неё туманным пятном, наполненным его туманными рассказами о «больших проектах».

— Почти всю свою сознательную жизнь он вел абсолютно легальный, прозрачный бизнес, — продолжила Кристина, постукивая ручкой по столу. — Он начал в середине двухтысячных. Поднялся на госзакупках, открыл строительную фирму «Монолит-Строй». Строил жилые комплексы в Подмоскowie, торговые центры. Параллельно у него были другие активы: логистическая компания, сеть оптовых складов стройматериалов. Он зарабатывал огромные деньги, Аня. Честно зарабатывал. У него было имя в бизнесе, репутация надежного партнера, контракты с администрациями округов. Он не был мелким жуликом с рождения. Он был крупной фигурой.

— Но как же он тогда оказался... там? — прошептала Анна.

— Алчность, — припечатала Кристина. — Обычная человеческая жадность, помноженная на уязвимость. Около пяти лет назад его строительный бизнес слегка просел из-за кризиса. На горизонте появился его старый знакомый, некий банкир по фамилии Котов. Он предложил Артуру одну афёру. На первый взгляд — легкую, серую схему с субсидиями на строительство социального жилья. Нужно было просто прокрутить бюджетные миллиарды через цепочку офшоров, показать фиктивные отчеты о заложенных фундаментах, а разницу положить в карман. Артур долго сомневался. Он ведь привык работать чисто. Но куш был слишком велик, и он согласился.

Кристина сделала паузу, её глаза недобро блеснули.

— И вот тут у него сорвало крышу. Когда он увидел, какими темпами и объемами к нему потекли легкие, никем не контролируемые деньги, в нем проснулся дремавший до этого монстр. Легальный бизнес показался ему скучной возней за копейки. Он начал обманывать всех вокруг. Он продавал одни и те же недостроенные площади по три-четыре раза разным инвесторам. Он подделывал подписи министерских чиновников, создавал гигантские строительные пирамиды, в которые втягивал и крупные фонды, и простых дольщиков. Объемы его махинаций стали астрономическими — речь шла о миллиардах рублей. Он возомнил себя богом, Аня. Думал, что его прикрывают сверху те, кому он заносил чемоданы с налом.

— Но его вычислили? — тихо спросила Анна, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Его не просто вычислили, его слили те же самые люди, которые втянули его в эту игру, — Кристина жестко усмехнулась. — Котов сбежал в Лондон с половиной кассы, а Артура сделали козлом отпущения. Когда масштаб катастрофы вскрылся, ФСБ взяло его прямо в его загородном доме. Следствие шло жестко, все его легальные бизнесы арестовали и пустили с молотка за долги. Его империя рухнула за считанные месяцы. И вот тогда начался суд.

Анна вдруг закрыла лицо руками. Из её груди вырвался глухой, прерывистый вздох.

— Я помню этот день... — её голос задрожал, а на глазах снова заблестели слезы. — Я помню его до каждой секунды, Кристина. Это был самый страшный день в моей жизни.

Кристина замолчала, внимательно наблюдая за реакцией Анны. Она не перебивала, давая той выговориться.

— Суд длился больше года, — заговорила Анна, её пальцы перебирали ремешок сумки. — Артур до последнего момента клялся мне, что это ошибка, что его подставили конкуренты, что его адвокаты вот-вот разобьют обвинение. Я ведь верила ему как Богу. Я ходила на каждое заседание, сидела в самом конце зала, ловила каждый его взгляд из этой жуткой стеклянной клетки... А в день приговора меня не пустили. Зал закрыли для прессы и посторонних, запустили только участников процесса. Я стояла в душном коридоре Твер-

ского суда, прижавшись лбом к холодной стене, и молилась. Молилась так, как никогда в жизни.

Анна подняла голову, её лицо было бледным, как бумага. — И вдруг у меня в сумке зазвонил телефон. На экране высветился его номер. Оказалось, перед тем как конвой увел его в подвал, один из адвокатов успел сунуть ему в руку трубку на пару минут. Я ответила, и у меня внутри всё оборвалось. Из трубки доносился страшный, гулкий шум судебного коридора, чьи-то крики, лай конвойных собак... И его голос. Он задыхался, Кристина. Он говорил так, словно его прямо сейчас душили.

— Анька... Анька, ты слышишь меня?! — его голос в трубке хрипел и срывался на крик. — Всё, это конец... Судья зачитала... Они меня уничтожили, Аня! Восемь лет! Мне дали восемь лет строгого режима! Они вешают на меня чужие миллиарды, меня просто растоптали...

— Артур, Боже мой... Нет... Этого не может быть! — я кричала на весь коридор, не обращая внимания на оборачивающихся приставов. Слезы застилали глаза, колени подогнулись, и я буквально сползла по стене на пол. — Это ошибка, мы подадим апелляцию!

— Какая апелляция, Аня?! — отчаяние в его голосе было настолько осязаемым, что мне казалось, я чувствую его физически через экран. — Меня уводят. Прямо сейчас на меня надевают наручники. Слышишь этот лай? Это по мою душу. Меня отправят на этап, в глушь, в лагеря... Меня там просто

похоронят, я не выживу там столько лет, понимаешь?! Все отвернулись, все суки, с кем я работал, телефоны поотключали! Я остался один, Аня... Совсем один в этой яме...

— Ты не один! — я захлебывалась слезами, сжимая телефон обеими руками так, что хрустели суставы. Я кричала в трубку, вкладывая в эти слова всю свою душу, всю свою безумную, слепую любовь, которую он так расчетливо в меня вдохнул. — Слышишь меня, Артур?! Ты не один! Я с тобой! Сколько бы лет тебе ни дали, куда бы тебя ни увезли — я буду ждать тебя! Я пройду через это вместе с тобой, я выдержу! Слышишь?! Я буду ждать тебя, Артур!

— И он ответил? — тихо спросила Кристина, её взгляд был прикован к лицу Анны.

— Он успел только сказать: «Спасибо, моя единственная... Спаси меня...» — и связь оборвалась. Послышались какие-то крики, глухой удар, и пошли короткие гудки, — Анна вытерла слезу, покотившуюся по щеке. — Я сидела на полу в суде и думала, что совершаю великий женский подвиг. Я думала, что спасаю невинно осужденного героя, свою единственную любовь. А на самом деле...

— А на самом деле в этот самый момент, нажимая кнопку отбоя, Артур Сергеевич Романов довольно улыбался, — ледяным тоном закончила за неё Кристина. — Потому что он понял: даже отправляясь на зону, он обеспечил себе надежный тыл, бесплатный кошелек и преданную дуру, которая будет возить ему передачи и оплачивать его лагерный

комфорт. Он просчитал тебя до миллиметра, Аня. Еще тогда, в зале суда.

Кристина резко закрыла свой блокнот, и этот звук прозвучал как выстрел в тишине роскошного ресторана.

— Но он не учел одного, — Кристина наклонилась ближе к Анне, и в её глазах вспыхнул тот самый опасный, расчетливый огонь, который когда-то сделал её лучшим юристом столицы. — Он не учел, что его легальное прошлое оставило слишком много следов. Строительные холдинги, офшоры, фиктивные контракты... Он думал, что всё зачистил, когда садился в тюрьму. Но я знаю, где искать. И ты, со своими архивными навыками, поможешь мне раскопать то, что не нашли следователи. Мы найдем те скрытые счета, на которые он выводил наши миллионы. Мы отберем у него всё, Аня. И устроим ему такой ад внутри его ИК-5, что эти восемь лет приговора покажутся ему раем. Ты со мной?

Анна растерялась на секунду, но тут же собралась.

— Но как... как ты вообще узнала обо мне? — Анна подняла на неё глаза, в которых глубокое отчаяние постепенно сменялось глухим, искренним удивлением. — Артур ведь клялся, что я у него единственная. Он параноик, он проверял каждый мой шаг, контролировал соцсети... Как мы вообще пересеклись?

Кристина снисходительно улыбнулась, изящным жестом поправив идеально сидящий рукав своего жакета.

— Артур умен, Аня, но он совершил главную ошибку лю-

бого манипулятора — возомнил себя всемогущим и недооценил мои ресурсы. Когда я поняла, что сроки его якобы «согласованного УДО» затягиваются, а миллионы, которые я передавала через посредников на лагерный комфорт, уходят на счета каких-то сомнительных физических лиц, я включила свои каналы. Через свои связи в Тверском УФСИН я получила полную, неофициальную детализацию звонков и интернет-трафика с его нелегального мобильного телефона, который он прячет в хозотряде.

Кристина сделала глоток воды и хищно сузила глаза.

— И знаешь, что я там увидела? Два телефонных номера, на которые этот гений криминального сыска звонил и писал ежедневно, с маниакальной, системной регулярностью. Один номер был мой. А второй...

— Мой, — тихо, одними губами закончила Анна.

— Твой, — кивнула Кристина. — Мне потребовалось ровно пятнадцать минут, чтобы пробить по базам, на ком зарегистрирована сим-карта. Анна Воронцова, двадцать восемь лет, архивариус. Более того, я сопоставила выписки по картам-дропам, куда мы обе переводили деньги. Мои миллионы и твои последние копейки падали в один и тот же карман, Аня. Он даже не удосужился развести наши денежные потоки по разным счетам! Для него мы были просто двумя параллельными дойными коровами. Вот тогда я нашла твое место работы, дождалась, пока ты выйдешь из своего пыльного архива, и привезла тебя сюда. Чтобы ты открыла глаза.

Анна судорожно вздохнула. Чувство дикого, раздирающего стыда внутри неё вдруг начало перерастать в нечто иное — в холодную, тяжелую ярость.

— И что мы будем делать теперь? — спросила Анна, и её голос впервые за весь вечер прозвучал твердо, без привычной робкой дрожи. — Расскажем ему всё? Заблокируем номера? Напишем заявление?

— Ни в коем случае, — отрезала Кристина, и в её глазах вспыхнул ледяной огонь профессионального юриста. — Если мы сейчас устроим банальную женскую истерику или оборвем связь, он мгновенно поймет, что раскрыт. Он заляжет на дно, уничтожит телефон, переведет остатки выведенных активов на новые, еще не известные нам счета, и мы потеряем его след. Нет, дорогая моя. Мы сыграем по его правилам, но на нашей доске.

Кристина наклонилась через стол, почти касаясь пальцев Анны, и понизила голос до заговорщицкого шепота:

— С этого момента мы продолжаем общаться с ним как ни в чем не бывало. Абсолютно. Ты остаешься всё той же наивной, преданной, любящей Анечкой. Будешь плакать в трубку, говорить, как сильно скучаешь, жаловаться на нехватку денег, обещать, что соберешь очередную передачу и приедешь на свидание в ИК-5, как только накопишь на билет. А я останусь его роскошной, ослепленной страстью Крис, которая ворочает миллионами и вот-вот «дождет» вопрос с его освобождением. Мы будем усыплять его бдительность,

кормить его обещаниями и иллюзиями контроля. Он должен быть на сто процентов уверен, что по-прежнему держит нас на поводке. А параллельно, пока он будет спокойно спать в своем хозотряде, мы по крупницам раскопаем его теневое прошлое. Твои навыки работы с архивными реестрами и закрытыми базами плюс мои юридические рычаги и связи — и мы затянем петлю так, что он сам попросит о пощаде. Ты сможешь сыграть эту роль, Аня?

Анна перевела взгляд на два лежащих на столе телефона. На экранах всё еще светились идентичные, скопированные словно под копирку сообщения о «единственной любви» и «незабываемом сексе». Мужчина, ради которого она заложила машину, погрязла в микрозаймах и разрушила свою жизнь, оказался обычной примитивной крысой.

Она сделала глубокий вдох, ощущая, как внутри окончательно умирает прежняя робкая, испуганная девочка. На её место приходило новое, незнакомое и опасное чувство.

— Смогу, — твердо ответила Анна и впервые за вечер уверенно взяла в руки чашку с остывшим чаем, сделав решительный глоток. — Он думал, что приручил безобидного архивариуса, который умеет только перекладывать бумажки. Что ж... Я покажу ему, на что способны люди, умеющие профессионально раскапывать чужие старые скелеты.

— Вот это уже разговор, — Кристина удовлетворенно улыбнулась и подняла свой бокал с минеральной водой, салютуя собеседнице. — Добро пожаловать в игру, Аня.

Кристина небрежно достала из сумочки пачку крупных купюр и бросила её на стол, даже не дожидаясь официанта со счетом.

Они молча поднялись и направились к выходу. Когда они вышли из залитого мягким светом панорамного ресторана на смотровую площадку, ночная Москва, расстилавшаяся на тридцать этажей ниже, больше не казалась Анне пугающей, чужой и хищной. Теперь она сама становилась частью этой ночи. Охота на Артура Романова началась прямо здесь, в самом сердце Сити, пока сам он, ничего не подозревая, считал дни до отбоя за колючей проволокой колонии строгого режима.

Глава 2.

В это же самое время, в трехстах километрах от сверкающих неонем башен «Москва-Сити», в поселке Торфяной тяжелой свинцовой тучей висела непроглядная, глухая ночь.

Исправительная колония №5 строгого режима спала. Точнее, спала основная масса заключенных, спрессованная в душных, провонявших потом и дешевым табаком бараках. Но у бригадира хозяйственного отряда Артура Сергеевича Романова были совсем другие условия.

Артур лежал на своей застеленной чистым бельем шконке в небольшой, отделенной от общего помещения «каптерке». Здесь не было двухъярусных нар и храпящих соседей. Здесь стоял небольшой холодильник, работал электрический чайник, а в воздухе пахло неплохим заварным кофе, переданным с воли.

Артур лениво потянулся, чувствуя, как под тюремной робой перекачиваются тяжелые, тренированные мышцы. На его губах играла самодовольная, хищная улыбка.

«Две дуры, — лениво подумал он, отбрасывая телефон на подушку и закидывая руки за голову. — Две идеальные, дойные коровы».

Его мозг, привыкший в прошлом ворочать многомиллиардными схемами, даже здесь, за колючей проволокой, не переставал работать ни на секунду. Жизнь в колонии была

лишь вопросом бюджета. Чтобы оставаться «в авторитете», не ходить на тяжелые работы, иметь ключи от нужных дверей и держать в кармане надзирателей, требовался постоянный финансовый поток. И этот поток ему обеспечивали они.

Он мысленно прокрутил баланс.

Анна. Тихая, забитая архивариус. Она была его страховкой, мелкой, но стабильной монетой. Артур знал, что выпотрошил её почти до дна. Кредиты, микрозаймы, ломбарды. Но он как опытный садист чувствовал: в ней еще есть ресурс. Нужно просто надавить на жалость. Написать завтра, что у него обострилась язва из-за местной баланды, что его собираются перевести в холодный изолятор, если он не занесет «куму» пятьдесят тысяч. Аня найдет. Она продаст последние трусы, займет у соседей под сумасшедший процент, но найдет. Потому что она не может без его слов о любви. Он стал для неё богом, а богам нужно приносить жертвы.

Кристина. С ней было интереснее. Она была крупной рыбой, акулой, которая думала, что держит его на крючке. Артур тихо, хрипло рассмеялся в темноте своей каморки. Какая же она высокомерная идиотка. Думает, что контролирует ситуацию своими миллионами. Думает, что покупает себе покорного, эксклюзивного зэка. Кристина уже перевела колоссальные суммы, но для её масштабов это были карманные расходы. Завтра нужно будет разыграть новую партию. Он скажет ей, что в Управлении сменился человек, курирующий УДО, и новому чину нужна разовая «взятка за лояль-

ность». Миллиона два-три, мелкими купюрами. Она принесет. Никуда не денется, потому что её ломает без его животной силы.

Мысли о Кристине, о её властном, холеном лице, которое искажалось от похоти и боли, когда он грубо брал её в комнате свиданий, заставили кровь Артура быстрее побежать по венам. Низ живота стянуло тяжелым, пульсирующим узлом.

Артур спустил ноги на холодный бетонный пол. Взял с тумбочки кусок дорогого туалетного мыла, перекинул через плечо махровое полотенце и бесшумно вышел в пустой коридор. У него, как у бригадира, был свободный доступ к душевой хозотряда даже после отбоя.

Душевая встретила его гулким эхом, запахом хлорки и ржавчины. Тусклая лампочка под потолком едва разгоняла мрак. Артур скинул робу, оставшись в чем мать родила. Его тело было идеальным, как у античной статуи: ни грамма лишнего жира, широкие плечи, мощная грудь, покрытая темными волосами, и стальной пресс. Он тренировался каждый день, используя самодельные штанги, перегоняя свою злость в физическую силу.

Он повернул вентиль. Ржавая труба задрожала, и на него обрушились тугие струи теплой воды. Артур закрыл глаза, запрокидывая голову под потоки воды.

Его рука скользнула вниз, плотно обхватив напрягшуюся, пульсирующую плоть. Он начал двигать рукой — сначала медленно, размеренно, задавая ритм, а затем всё быстрее

и жестче. Воображение услужливо подбрасывало картинки, разжигая первобытную похоть.

Он представлял, как Кристина, в своем дорожном белье от Agent Provocateur, стоит перед ним на коленях на этом самом холодном, грязном полу. Как эта московская королева, перед которой заискивают министры, умоляет его о ласке. Он представлял её тонкие запястья, которые он сжимал до синяков. Он помнил, как она кричала, когда он входил в неё так глубоко, что сбивал дыхание.

— Да, сука... — глухо прорычал Артур сквозь стиснутые зубы. Его движения стали яростными, жадными. Мышцы на руках и спине напряглись канатами.

В его фантазиях Кристину сменила Анна. Податливая, мягкая, скулящая от каждого его толчка. Он вспоминал, как ломал её стеснение в её же дешевой квартирке, как заставлял говорить грязные слова, заставлял подчиняться любой, самой унижительной прихоти.

Власть. Вот что возбуждало его больше всего. Не женское тело, а абсолютная, безграничная власть над чужой душой и чужим кошельком. Он заперт в клетке, но он управляет жизнями тех, кто на свободе. Он держит их на коротком поводке.

Дыхание Артура стало прерывистым, в горле заклокотал первобытный рык. Он ускорил темп до предела, грубо, почти болезненно сжимая себя, пока его тело не свело мощной судорогой. Он хрипло выдохнул, упираясь свободной рукой

в мокрую, склизкую кафельную стену, переживая обжигающие волны сильного, глубокого оргазма. Секунду он стоял неподвижно, тяжело дыша, пока вода смывала с него напряжение, унося его прямо в сток.

Утро в ИК-5 началось с хриплого лая собак и криков конвойных. Но для бригадира Романова день стартовал иначе.

Пока остальные зэки в серых робах, опустив головы, строились на плацу для утренней проверки на пронизывающем ветру, Артур сидел в каптерке и пил крепкий чай. Рядом с ним сидел прапорщик Смирнов — грузный, потеющий мужчина с бегающими глазками.

— Смирнов, ты мне бумагу на закупку стройматериалов для ремонта крыши в четвертом бараке подписал? — небрежно бросил Артур, даже не глядя на надзирателя, словно тот был его подчиненным.

— Подписал, Артур Сергеевич, всё как договаривались, — заискивающе кивнул прапорщик. — Смету раздули в три раза, как вы и просили. Подрядчик с воли половину суммы откатом вернет на указанную вами карту.

— Молодец. Жить будешь, — усмехнулся Артур, пододвигая к прапорщику пачку импортных сигарет. — Возьми. Женам своим привет передавай. И чтобы сегодня после обеда меня никто не дергал. У меня инвентаризация на складе.

Склад был его личной вотчиной. Огромный ангар, куда свозили продукты, материалы и где Артур был абсолютным

царем. Днем он раздавал указания: кому из зеков таскать мешки, кому красить заборы, кого отправить на грязную работу, а кого — в теплое место. Он торговал привилегиями, сигаретами, звонками. Он выстроил внутри тюрьмы свою собственную империю, где всё продавалось и покупалось. Он был теньвым губернатором этого убогого куска земли, обнесенного колючей проволокой.

Дождавшись, пока склад опустеет, а надзиратели уйдут на перекур, Артур закрылся в самой дальней подсобке. Достал из тайника за вентиляционной решеткой свой телефон, оглянулся на массивную дверь и набрал номер.

Гудки шли долго. Наконец на том конце провода раздался осторожный, хрипловатый голос.

— Да, алло.

— Олег, это я, — небрежно бросил Артур, откинувшись на мешки с цементом.

Голос Олега Волкова тут же изменился, в нём явственно проступила подобострастная, заискивающая готовность. Полгода назад этот самый Волков еще гнил здесь, в ИК-5, деля с Артуром одну камеру на двоих. На зону Олег прилетел по глупости и собственной алчности — попытался кинуть серьезных людей на воле на полмиллиона рублей карточного долга, думал, проскочит. Не проскочило. На лагере его ждала быстрая и очень болезненная расправа, если бы не Артур. Романов тогда оценил потенциал парня: исполнительный, трусливый, но соображающий. Артур через свои кана-

лы закрыл его долг перед авторитетами внутри периметра, взял под крыло, а потом специально задействовал свои рычаги и деньги, чтобы Волкова освободили по УДО на пару лет раньше срока.

Артур сделал это не из благородства. Ему была нужна абсолютно верная, повязанная по рукам и ногам «шестерка» на свободе. Собака, которая будет беспрекословно выполнять любые, самые грязные поручения, зная, что хозяин может в любую секунду вернуть её обратно в ад.

— Артур Сергеевич! Здравия желаю. Я на связи, всё спокойно, — торопливо заговорил Олег, и Артур почти физически почувствовал, как тот вытянулся в струнку на другом конце провода.

— Слушай меня внимательно, Волков. Завтра в два часа дня ты должен в офисе у Кристины Ковалевой. Схему ты знаешь, не первый раз к ней ходишь.

— Понял, Артур Сергеевич. Завтра к двум буду.

— Повторяю для особо одаренных, — голос Артура стал тихим, но в нём зазвенел опасный металл. — Никакой самостоятельности. Заходишь в кабинет, Кристина отдаст тебе конверт. Берешь его молча. Забрал конверт, развернулся и ушел. Если она попытается заговорить, задать вопрос или начать расспрашивать про меня — молчишь как рыба. Понял?

— Да, Артур Сергеевич, всё понял. Забрал без слов и сразу на выход. Она женщина жесткая, я к ней и сам лишний

раз лезть не горю желанием.

— Вот и отлично. На выходе из бизнес-центра не расслабляться. Сразу прыгаешь в метро. На кольцевой линии сделаешь два круга, выйдешь на случайной станции, проверишь, нет ли за тобой хвоста. Ковалева — баба юридически подкованная и хитрая, может из чистого любопытства приставить к тебе человечка, чтобы узнать, куда уходят её миллионы. Если заметишь хоть намек на слежку — конверт сбрасываешь в заранее подготовленный тайник и уходишь. Но если всё чисто... Куда едешь дальше?

— Как обычно, Артур Сергеевич. К Кристине, потом в кафе к Марине. Передаю пакет ей из рук в руки.

— Молодец, память у тебя хорошая, — усмехнулся Артур, лениво потирая шрам на предплечье. — Помни, Волков: в этом конверте — мой лагерный комфорт и твоя спокойная жизнь на воле. Если с этими деньгами что-то случится, или если ты решишь, что стал слишком самостоятельным... я ведь найду тебя. Из-под земли достану, и ты вернешься в Торфяной, только уже в совершенно другом статусе. Ты меня услышал?

— Услышал, Артур Сергеевич, что вы такое говорите! — голос Олега дрогнул от неподдельного страха. — Всё сделаю в лучшем виде, как и прошлые разы. Ни одной заминки не будет. Марина получит всё до копейки.

— Свободен, — коротко бросил Артур и нажал кнопку отбоя.

Он ловко вытащил батарею из телефона, обернул аппарат в кусок полиэтилена и сунул его обратно в тайник за вентиляционной решеткой, завалив сверху пыльным мешком с цементом.

Самое забавное во всей этой схеме было то, что Артур еще даже не звонил Кристине. Он еще не успел открыть свой рот, не озвучил новую выдуманную проблему и не попросил те самые миллионы, за которыми завтра уже отправил Олега. Для любого обычного человека это показалось бы безумной, глупой самоуверенностью. Отправлять курьера за деньгами, которые тебе еще никто не согласился дать? Полный бред.

Но Артур Романов не был обычным человеком. Он был гроссмейстером человеческих слабостей. Он знал Кристину так, как анатом знает расположение костей и сухожилий. Он просчитал её реакцию заранее, на три хода вперед. Вечером он сделает один звонок, разыграет перед ней короткий, филигранный спектакль — и завтра в два часа дня конверт будет лежать на её столе. Без вариантов. Она не сможет отказать, потому что он нажмет именно на ту ментальную болевую точку, которая заставит её действовать вопреки логике и здравому смыслу.

Это не было слепой наглостью — это был холодный опыт. Артур занимался подобным всю свою сознательную жизнь. Еще на воле, будучи главой «Монолит-Строя», он понял: люди — это просто биомеханические автоматы, которыми управляют базовые эмоции: страх, гордыня, жадность или

уязвленное эго. Нужно лишь найти правильный рычаг.

Он вспомнил случай пятилетней давности, когда его империя еще только набирала обороты. Тогда «Монолит-Строй» зашел на лакомый кусок земли в Подмосковье под строительство элитного жилого комплекса. Всё было готово, но проект намертво заблокировал главный федеральный инспектор по экологическому надзору — некий Харламов. Это был старик старой советской закалки, фанатично преданный своему делу. Человек-камень, про которого в министерстве шепотом говорили: «Харламов взятки не берет, он их расстреливает».

Партнеры Артура тогда паниковали, предлагали классические схемы: занести чемодан через посредников, подключить силовиков, припугнуть. Артур лишь брезгливо морщился.

«Люди не ломаются от денег или угроз», — сказал он тогда своим директорам. — Они ломаются от эмоций. Оставьте старика мне».

Артур не стал собирать на Харламова банальный компромат. Вместо этого он нанял частных детективов и за две недели по крупицам изучил психопортрет инспектора. Выяснилось, что у жесткого, негибачего чиновника была одна единственная уязвимость — его девятнадцатилетняя дочь Алена. Поздний, безумно любимый ребенок. Девочка росла в золотой клетке строгого отцовского контроля, и её предсказуемо тянуло на бунт и запретные плоды. Она втайне от

отца связалась с сомнительной компанией и начала понемногу играть в закрытых подпольных клубах.

Артур срежиссировал всё как высокобюджетный триллер. Через своего человека он организовал так, чтобы Алену пригласили на закрытую, элитную игру в покер для «своих». Разумеется, за столом сидели профессиональные подставные игроки. За одну ночь неопытную девчонку, подогретую дорогим алкоголем и азартом, технично и красиво вогнали в астрономический долг — семь миллионов рублей.

Когда игра закончилась, организаторы закрыли двери, и перед заплаканной, протрезвевшей Аленой на стол легли её расписки. Ей мягко, но очень доходчиво объяснили, что если папа не отдаст долг в течение трех дней, её жизнь превратится в кошмар, а видео её «развлечений» окажется на столе у министра, что мгновенно уничтожит карьеру Харламова. Девочка была на грани самоубийства.

И вот здесь на сцену вышел Артур. Но он не стал банально шантажировать инспектора этими расписками. Это был бы примитивный ход дилетанта, который вызвал бы у Харламова только лютую, смертельную ненависть. Артур сыграл тоньше.

В ту же ночь он «случайно» оказался в этом закрытом клубе — якобы приехал по своим делам к владельцу. Увидев заплаканную дочь инспектора, которую охрана держала в кабинете, Артур устроил показательный, яростный скандал. Он наорал на владельцев клуба, швырнул им на стол свой

личный чек на семь миллионов, забрал расписки девчонки и лично порвал их у неё на глазах.

— Тихо, глупая, тихо, — ласково говорил он, обнимая бьющуюся в истерике Алену и вытирая её слезы своим дорогим шелковым платком. — Всё закончилось. Никто твоему отцу ничего не узнает. Я отвезу тебя домой.

Около четырех часов утра у дома Харламова затормозил роскошный «Майбах» Артура. Инспектор, который всю ночь не спал, бледный от тревоги, выскочил на крыльцо. И что же он увидел? Из машины вышла его целая, невредимая, абсолютно трезвая дочь, а вслед за ней — респектабельный, уставший бизнесмен Артур Романов.

Артур отвел Харламова в сторону и, глядя ему прямо в глаза, спокойно сказал: — Экологический контроль — это важно, Георгий Васильевич. Но дети — важнее. Ваша дочь попала в очень нехорошую историю с плохими людьми. Я случайно оказался рядом и закрыл вопрос. Вот, держите её документы. Не ругайте её, она просто испугалась. О вашей работе мы говорить не будем, это здесь ни при чем. Доброй ночи.

Артур развернулся и уехал, не попросив взамен абсолютно ничего. Он оставил старика наедине с разрывающим изнутри чувством колоссального, неоплатного долга и жгучей благодарности.

Результат? На следующее утро Харламов сам, лично приехал в офис «Монолит-Строя». У него дрожали руки. Он

молча положил на стол Артура подписанное, идеально чистое экспертное заключение на землю, дающее зеленый свет строительству. Старик плакал, жал Артуру руку и называл его «настоящим человеком» и «спасителем семьи». Харламов до конца своих дней был уверен, что поступил правильно, по чести, отблагодарив благородного бизнесмена. Ему и в страшном сне не могло присниться, что весь этот ад от начала и до конца был придуман и оплачен человеком, сидящим напротив него в дорогом кожаном кресле.

Артур тряхнул головой, возвращаясь из воспоминаний в сырую, пахнущую цементом подсобку тюремного склада. На его губах снова заиграла та самая, хищная улыбка.

С Кристиной сегодня вечером он провернет похожий трюк, только рычагом будет не родительская любовь, а её собственная гордость и страх потерять лицо. Он преподнесет ей информацию о «новом чиновнике из УФСИН» так, что она почувствует себя великим стратегом, спасающим своего ценного мужчину, в которого она уже вбухала слишком много денег, чтобы просто так отступить. Логика капиталиста: если ты уже вложил в проект миллионы, ты вложишь еще два, чтобы спасти предыдущие инвестиции. Она сама захочет отдать эти деньги.

Артур поправил воротник серой робы, толкнул тяжелую дверь склада и вышел на лагерный двор. Ветер швырнул ему в лицо горсть колючей снежной крупы, но он этого даже не заметил. Он шел по плацу среди серой, безликой массы за-

ключенных, но чувствовал себя абсолютным королем. Его тело было заперто за колючей проволокой ИК-5, но его извращенный, гениальный разум продолжал уверенно и цинично править миром на свободе. Охота за новыми миллионами Кристины была открыта, и Артур не сомневался в своей полной, безоговорочной победе.

Покинув склад, Артур не пошел обратно в свой барак. Вместо этого он уверенно, по-хозяйски зашагал через заснеженный плац в сторону административного корпуса — «штаба», как его называли на зоне. Как бригадир хозотряда и человек, щедро «смазывающий» нужные шестеренки тюремной машины, он имел право передвигаться по территории почти без ограничений.

Его целью была комната досмотра и сортировки посылок — небольшое, пропахшее сургучом, картоном и дешевым клеем помещение на стыке жилой зоны и внешнего КПП. Обычно заключенных туда не пускали, но для Артура здесь не существовало закрытых дверей.

Он дважды коротко стукнул костяшками пальцев по железной обивке и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь, сразу же повернув замок изнутри.

За столом, заваленным вскрытыми почтовыми коробками и бланками, сидела Марина Воробьева. Ей было всего двадцать. Тоненькая, по-девичьи угловатая, с большими испуганными глазами и растрепавшейся русой косой. Местная

девчонка из поселка Торфяной, устроившаяся вольнонаемной почтальоншей в колонию от безысходности.

Увидев Артура, Марина вздрогнула и инстинктивно прижала к груди пачку писем, но тут же расслабилась, и на её бледном лице появилась робкая, влюбленная улыбка.

— Ты пришел... — выдохнула она, поднимаясь навстречу.

— Я всегда прихожу, ты же знаешь, — мягко произнес Артур. Он подошел вплотную, привычным жестом провел рукой по её волосам, но его глаза оставались абсолютно холодными, сканирующими. — Слушай меня внимательно. Завтра у тебя по графику выходной.

— Да, я в город собиралась...

— Поедешь в Москву. Утренняя электричка, потом метро. В 16:00 или немного раньше ты должна быть у памятника Крупской, как обычно. В том самом кафе, где в прошлый раз. К тебе подойдет Олег Волков и передаст плотный конверт. Заберешь, пересчитаешь в туалете и сразу на обратный поезд. В Торфяном переведешь всё на те счета, которые я тебе скину на телефон. Часть оставишь наличными — занесешь мне в четверг вместе с почтой.

Марина побледнела. Улыбка мгновенно исчезла с её лица, уступив место паническому страху. Она отступила на шаг, упершись поясницей в край стола.

— Артур... снова? — её голос задрожал, на глазах навернулись слезы. — Я не могу больше... Артур, пожалуйста! В прошлый раз на КПП кинолог с собакой стоял, у меня чуть

сердце не остановилось! Я боюсь! Я каждый раз вожу тебе эти телефоны, сим-карты, какие-то таблетки, теперь снова этот кэш... Если меня поймают, меня же посадят! Начальник оперчасти на меня уже как-то косо смотрит! Я не поеду!

Она замотала головой, обхватив себя руками за плечи, словно пытаясь защититься.

Любой другой на месте Артура начал бы давить, угрожать или шантажировать. Но Артур был виртуозом. Он знал, что страх — плохой мотиватор, когда нужен идеальный, не привлекающий внимания исполнитель. Исполнитель должен быть счастлив.

Лицо Артура мгновенно преобразилось. Властный тон исчез. Он шагнул к Марине, нежно, но крепко взял её за дрожащие плечи и притянул к своей широкой груди.

— Тише, тише, Птичка моя... — его голос стал глубоким, бархатным, обволакивающим. Он назвал её Птичкой — из-за фамилии Воробьева, и она обожала это прозвище. — Ну чего ты дрожишь, а? Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза, Птичка.

Марина всхлипнула и подняла на него заплаканные глаза. Артур нежно вытер её слезу большим пальцем.

— Ты думаешь, я бы стал рисковать тобой, если бы не был уверен на тысячу процентов? — горячо зашептал он, глядя на неё с поддельной, но такой убедительной нежностью. — Ты — самое дорогое, что у меня есть в этой проклятой дыре. Мой лучик света.

— Тогда зачем... зачем ты заставляешь меня это делать?

— жалобно пискнула она, утыкаясь носом в грубую ткань его робы.

— Потому что это наш с тобой билет отсюда, глупая моя Птичка, — Артур поцеловал её в макушку. — Помнишь, я рассказывал тебе про Виктора Петровича? Про генерала из управления?

Марина неуверенно кивнула.

— Так вот, договоренность есть. Железобетонная. Главный ключ у меня. Этот конверт, который завтра принесет Олег... это почти последний транш. Всё. — Марина затаила дыхание, её глаза расширились от надежды.

— Правда? Скоро?

— Через пару месяцев — уверенно солгал Артур. — И мы уедем из этого болота. Сразу в аэропорт. Я сниму нам дом на берегу моря... Только ты и я. Ты больше никогда не увидишь этих вышек, этих собак, этой грязи. Будешь ходить в красивых платьях, забудешь про этот пропахший сургучом кабинет. Но для этого мне нужна твоя помощь. Только ты можешь это сделать, потому что только тебе я доверяю.

— Но откуда... откуда там такие деньги? — Марина задала вопрос, который мучил её уже давно. — Олег приносит миллионы. Откуда они на воле?

Артур снисходительно усмехнулся, поглаживая её по спине.

— Это деньги одной старой, богатенькой дуры, Маришка.

Её зовут Кристина. Она юрист, москвичка. Помешалась на мне еще до суда. Думает, что я на ней женюсь, когда выйду, — он тихо рассмеялся, и Марина, заразившись его смехом, тоже робко улыбнулась. — Я дою её как корову, чтобыкупить нам с тобой свободу. Пусть платит за наше счастье. Какое нам дело до её иллюзий?

— Значит... она просто кошелек? — глаза Марины радостно блеснули.

— Исключительно. Как только я перешагну порог КПП — я блокирую все номера, меняю документы, и мы с тобой исчезаем. Но для этого завтра нужно забрать конверт. Ты сделаешь это ради нас, Птичка? Ради нашего будущего?

Марина окончательно растаяла. Страх перед тюремными сроками и оперчастью растворился в токсичном, сладком сиропе его обещаний. Она обняла Артура за шею, прижимаясь всем телом.

— Сделаю. Конечно, сделаю. Ради нас.

— Умница моя, — Артур прижал её к себе, глядя поверх её головы в мутное, зарешеченное окно. В его глазах не было ни капли той нежности, что только что звучала в голосе. Там была лишь холодная, мертвая пустота.

— И знаешь, Птичка, — заботливо добавил он, отстраняясь. — У тебя нервы ни к черту в последнее время. Ты плохо спишь, я же вижу. Я попрошу ребят из санчасти, они передадут тебе хорошие таблеточки. Расслабляют мышцы, снимают стресс. Выпьешь, успокоишься, и всё будет как в сказке.

— Спасибо, Артур. Ты так обо мне заботишься, — счастливо прошептала она.

Артур усмехнулся, чувствуя, как под его пальцами бьётся её пульс — частый, испуганный и одновременно доверчивый до безумия. Его ладонь скользнула с её плеча на затылок, пальцы запутались в её русых, слегка спутанных волосах. Он чуть надавил, заставляя Марину запрокинуть голову, и посмотрел на неё сверху вниз — на это юное, ещё почти детское лицо, на её расширенные зрачки, в которых плескалась смесь страха и обожания.

— Я всегда о тебе забочусь, Птичка, — тихо, с лёгкой хрипотцой произнёс он, наклоняясь к её губам. — Ты — моя маленькая, верная Птичка. Ты ведь знаешь, что я тебя не брошу, да?

— Знаю... — выдохнула она, и её дыхание коснулось его губ.

Он не стал целовать её. Вместо этого он резко, одним движением, подхватил её под ягодицы и приподнял, усаживая на край заваленного бумагами стола. Марина пискнула от неожиданности, но её руки уже тянулись к нему, пальцы впились в грубую ткань его тюремной робы.

— Артур... здесь же нельзя... — прошептала она, но глаза её горели тем самым голодным огнём, который он так хорошо умел зажигать. — Нас увидят... услышат...

— Ты хочешь меня? — его голос упал до почти неслышного шёпота, но в нём звенела сталь. Он навис над ней, его

широкое тело полностью заслоняло её от света тусклой лампы под потолком. — Скажи, Птичка. Скажи мне, чего ты хочешь.

Марина сглотнула. Её взгляд упал на его пах, где под серой тканью рубы уже угадывался твёрдый, напряжённый контур. Она чувствовала запах его тела — терпкий, мужской, смешанный с мылом и потом. Запах, который сводил её с ума, заставлял забывать обо всём на свете.

— Я хочу тебя... — прошептала она, и в этом шёпоте было столько отчаянной, почти болезненной страсти, что даже Артур, циничный и привыкший ко всему, на мгновение ощутил укол самолюбия.

— Тогда докажи, — усмехнулся он, отстраняясь ровно настолько, чтобы она могла дотянуться до его ремня. — Покажи мне, Птичка, как сильно ты хочешь свободу. Как сильно хочешь меня.

Марина не заставила себя ждать. Её пальцы дрожали, путались в пряжке ремня, но она справилась. Она расстегнула его, потянула вниз грубую ткань рубы и бельё, и когда его плоть освободилась, горячая и твёрдая, Марина закусил губу, чтобы не застонать вслух.

— Иди сюда, — Артур снова подхватил её, резко разворачивая и укладывая животом на холодную поверхность стола. Бумаги и письма с тихим шорохом посыпались на пол, но им обоим было плевать. — Тихо, Птичка. Тихо.

Его рука скользнула под её юбку, грубо, настойчиво сми-

ная ткань, затем скользнула выше, пальцы бесцеремонно проникли в неё, проверяя, готова ли она. Марина судорожно вздохнула, выгибаясь ему навстречу. Она уже была мокрой. Она всегда была готова для него, с первой секунды, как только он входил в эту дверь.

— Артур, пожалуйста... — простонала она, уткнувшись лицом в холодную столешницу.

— Что «пожалуйста», Птичка? — его голос звучал лениво, издевательски, пальцы внутри неё двигались медленно, мучительно. — Скажи. Чётко.

— Возьми меня... — проскулила Марина, и голос её сорвался на всхлип. — Прямо сейчас... Быстрее...

— Как скажешь, моя маленькая грязная Птичка.

Он резко убрал пальцы, и почти в ту же секунду, без предупреждения, без лишней нежности вошёл в неё сзади — глубоко, грубо, до самого основания. Марина вскрикнула, вцепившись ногтями в край стола, но Артур прижал её ладонью к столешнице, приглушая любой звук.

— Тихо, — прорычал он ей в ухо, начиная жёсткий, быстрый ритм. — Если кто-то войдёт — я тебя не знаю. Ты сама сняла с меня штаны, сама.

— Да... — выдохнула она, захлёбываясь ощущениями. — Да, я... сама, Артур... я хочу... твою... твою...

Он не дал ей договорить, входя в неё с такой силой, что её тело содрогалось от каждого толчка. Бумаги, которые ещё оставались на столе, разлетались во все стороны. Дверь в ка-

бинет была заперта изнутри, но Марина всё равно боялась — боялась и наслаждалась этим страхом. Она слышала, как за дверью кто-то прошёл, слышала голоса надзирателей, шаги по бетонному коридору, и это заставляло её мышцы сокращаться вокруг него, сжимать его с каждым его движением, делая этот процесс ещё более острым, почти болезненным.

— Артур... кто-то идёт... — прошептала она, задыхаясь.

— Заткнись, — рыкнул он, усиливая темп. Его дыхание стало прерывистым, тяжёлым. — Я сказал тебе — молчи.

Он зажал ей рот ладонью, продолжая вбиваться в неё снова и снова. Марина чувствовала, как внутри неё всё сжимается, как волна наслаждения, тёмная и тягучая, поднимается от самого низа живота.

Они замерли на несколько секунд, тяжело дыша. Единственный звук, нарушающий тишину, был мерный гул вентиляции под потолком.

Артур медленно отстранился, поправляя одежду. Он даже не взглянул на неё, словно это была не более чем техническая процедура. Марина всё ещё лежала на столе, прижимаясь щекой к холодной столешнице, её глаза были закрыты, по лицу текли слёзы пополам с потом.

— Одевайся, Птичка, — холодно бросил он через плечо, уже застёгивая ремень. — У тебя есть десять минут, чтобы привести себя в порядок.

Марина медленно приподнялась, поправляя юбку дрожащими руками. Она знала, что это было — просто очередной

раз, очередная подачка для её жаждущей души. Но она продолжала верить, что когда-нибудь всё будет по-настоящему. Что его «Птичка» станет его настоящей, единственной.

Артур уже стоял у двери, касаясь пальцами замка. Он обернулся на мгновение, и его взгляд на долю секунды стал жёстче.

— Помни, Птичка. Если кто-то спросит — ты просто сортировала корреспонденцию, — он коротко, холодно ухмыльнулся, и в этой ухмылке не было ни тепла, ни желания. — И спасибо за работу. Ты меня сегодня очень обрадовала.

Он открыл дверь и шагнул в коридор, бесшумно прикрыв за собой железную дверь. Марина осталась одна, сидя на столе, прижимая к груди дрожащие руки. В кабинете пахло им, его мылом, его потом, его властью. Этот запах останется с ней на весь день, напоминая ей, чьей она была на самом деле.

Шаги Артура затихли в глубине коридора, оставив Марину один на один с оглушительной, давящей тишиной кабинета. Она всё ещё сидела на краю стола, не в силах пошевелиться. Запах его мыла, пота и тяжёлой, животной власти до сих пор стоял в воздухе, буквально удушая её.

Марина опустила взгляд на свои колени. Слова Артура о том, что он заберёт её с собой, как только выйдет на свободу, ещё звенели в ушах. Но теперь, когда его не было рядом, гипноз его присутствия начал стремительно рассеиваться. «Заберёт?» — подумала она, и внутри разлилась холодная, горькая усмешка. Разве можно верить его словам? Он — опас-

ный преступник, волк, привыкший брать от жизни всё и использовать людей ради своей выгоды. Наверняка эти обещания красивой совместной жизни были лишь удобным поводом, чтобы удерживать её при себе, заставляя подчиняться, рисковать и покорно ждать. На воле у таких, как Артур, совсем другая реальность, в которой для неё, скорее всего, просто не окажется места.

Она посмотрела на свои пальцы, крепко сжимавшие ткань юбки. Когда-то эти пальцы были совершенно другими — нежными, тонкими, не знавшими чужой грубости. Внезапно на Марину накатил волна воспоминаний из её прошлого, из той, прошлой жизни, которая сейчас казалась чужой сказкой.

Она вспомнила своё детство. Маленький провинциальный городок, чистенький класс, неизменные пятёрки в дневнике. Она ведь всегда была гордостью родителей — идеальная девочка, прилежная отличница, пример для подражания. Каждый день после уроков она аккуратно собирала портфель и шла в местную школу искусств. В памяти отчётливо воскрес резкий, но приятный запах канифоли, гладкий лак миниатюрной скрипки и тяжёлый смычок в руках. Она часами, до боли в подушечках пальцев, выводила гаммы, мечтая о больших концертных залах, красивых платьях и светлом, благородном будущем. Учителя пророчили ей большой успех и восхищались её талантом.

Марина обвела взглядом казённые обшарпанные стены,

решётки на окнах и этот проклятый деревянный стол. Горло сдавил спазм от дикого, абсурдного контраста.

Как её жизнь могла так повернуться? Как примерная, чистая девочка со скрипкой, перед которой был открыт весь мир, докатилась до этого дна? До того, что теперь она сидит в полумраке тюремного кабинета, растерзанная, с дрожащими руками, и её, как послушную вещь, имеет заключённый на рабочем столе.

Но самое страшное и унижительное для неё заключалось в том, что вопреки всей логике, здравому смыслу и нахлынувшему стыду, она всё равно дико, до дрожи в коленях хотела его. Ей по-настоящему нравилось, когда во время секса он полностью подчинял её себе, когда он плевал ей в рот, демонстрируя свою безграничную власть. В эти секунды она чувствовала себя его абсолютной собственностью, и это извращённое чувство обладания приносило ей ни с чем не сравнимое, острое удовольствие.

И сразу же за этой вспышкой похоти следовал другой удар, который терзал её изнутри. Кристина.

Артур утверждал, что между ними ничего нет, убеждал Марину, что не прикасается к ней. Но врал ли он? Мог ли такой человек, как Артур, отказывать себе в удовольствии, если Кристина была рядом? Марина закрыла глаза, и воображение тут же нарисовало страшные, невыносимые картинки: Артур, берущий Кристину с той же животной страстью, Кристина, подчиняющаяся ему так же, как и она сама. Мысль о

том, что он имеет другую женщину, вызывала в Марине удушьящую, ядовитую ревность, смешанную со страхом быть отвергнутой и замененной.

Эти мысли — дикое вожделение, страх предательства, сомнения в его обещаниях и грызущая ревность к Кристине — плотным вихрем кружились в её голове. Они накладывались на воспоминания о чистом детстве и скрипке, создавая внутри невыносимый хаос, который совершенно не давал ей покоя, заставляя сердце биться в сумасшедшем, рваном ритме.

Глава 3.

Артур бесшумно скользнул обратно в свою каптерку. За ним с лязгом захлопнулась тяжёлая железная дверь, отрезая его от сырого, пахнущего хлоркой коридора административного корпуса. За железной дверью осталась и Марина — всё ещё сидящая на столе, прижимающая к груди дрожащие руки, с запахом его пота и мыла на коже. Он оставил её там, разбитую, сломленную, но абсолютно покорную. Как и планировал.

Внутри его личного убежища было тихо. Серый свет зимнего дня пробивался сквозь зарешечённое окно, падая длинными, косыми полосами на бетонный пол. Где-то за стеной слышались приглушённые голоса зэков и лай конвойных собак — привычный, монотонный шум колонии, который он давно перестал замечать.

Артур сел на край койки и бросил взгляд на часы. Половина третьего. Идеальное время. Кристина сейчас в своём офисе, разбирает бумаги, встречается с клиентами. Она всегда снимала трубку, когда он звонил в рабочее время, — это было частью её привычного распорядка, частью его контроля над ней.

Он достал из тайника за вентиляционной решёткой свой нелегальный телефон. Чёрный, матовый, без опознавательных знаков. Единственный номер в его списке контактов, ко-

торый имел значение. Он набрал его, и в трубке раздались длинные, протяжные гудки.

Кристина ответила на третьем.

— Артур, — её голос звучал ровно, бархатисто, но Артур, как опытный психолог, уловил в нём едва заметную нотку отстранённости. Или ему просто показалось? — Ты выбрал идеальное время. Я только что закончила с клиентами. Как у тебя дела?

— Дела, Крис, — он вздохнул, и этот вздох был настолько театральным, насколько он мог себе позволить. — Проблемы. Опять.

— Что за проблемы? — в её голосе послышалась тревога, но какая-то странная, почти натянутая, словно она читала готовый сценарий. Впрочем, Артур списал это на усталость.

— Сменился человек в Управлении, который курирует УДО, — начал он свою привычную песню. — Новый чиновник — Виктор Сергеевич. Старый, жадный, опытный. Говорят, без «личного участия» он не подпишет ни одной бумаги.

Кристина молчала. Артур знал, что она просчитывает варианты. Он знал, что она уже представляет себе, как он страдает в этой камере, и у неё просто нет другого выбора. Она не могла отказать. Она никогда не отказывала.

— И сколько на этот раз твой «Виктор Сергеевич» хочет за своё личное участие? — спросила Кристина. В её голосе Артуру послышалась лёгкая, едва уловимая ирония, но он решил, что ему показалось. Он привык, что она всегда се-

прёзна, когда речь заходит о его деньгах.

— Два с половиной миллиона, — выпалил Артур. — На личными. Мне сказали, что это последний транш. После этого УДО подпишут в течение недели.

Он сделал паузу, давая ей время осознать сумму. Это всегда срабатывало — она представляла, как они будут вместе, и все сомнения исчезали.

— Два с половиной, значит, — протянула Кристина, и в её голосе теперь отчётливо слышалась какая-то новая, незнакомая интонация. — А в прошлый раз было два. Инфляция, наверное. Или твой новый чиновник просто любит жить на широкую ногу?

Артур нахмурился. Это было не похоже на неё. Обычно она просто соглашалась, иногда немного торговалась, но никогда не задавала таких вопросов.

— Крис, ты же знаешь, как это работает, — он постарался придать голосу мягкость. — Я не могу контролировать их аппетиты. Мне просто нужно закрыть этот вопрос, и тогда мы будем свободны.

— Свободны, — эхом повторила она, и в этом слове ему послышался привкус горечи. — Да, конечно. Свободны. Ты уже столько раз обещал мне эту свободу, Артур.

Он замер. Внутри шевельнулось что-то похожее на тревогу. Но он тут же подавил это чувство — она просто устала, переработала. Это нормально. Он знал, как успокоить её.

— Я знаю, что ты устала ждать, — его голос стал ещё мяг-

че, почти гипнотическим. — И я знаю, что ты уже столько сделала для меня. Но поверь, это действительно последний раз. Когда я выйду, я верну тебе всё до копейки. Я построю для тебя такой бизнес, что ты забудешь о всех этих проблемах. Мы будем жить как короли, Крис. Ты и я.

Она снова замолчала. Артур слышал её дыхание — ровное, спокойное, но в нём не было той прежней, трепетной уязвимости, которая всегда появлялась, когда он говорил о будущем.

— Знаешь, Артур, — наконец произнесла она, и в её голосе зазвенела холодная, ледяная сталь. — Я всю жизнь строила свой бизнес с нуля. Я была неудачницей в школе, меня ненавидели одноклассники, я носила старые, перешитые платья, потому что у моей матери не было денег на новые. А теперь я стою здесь, в своём офисе рядом с «Москва-Сити», и каждый день ко мне приходят люди, которые готовы заплатить миллионы за мою подпись. Ты знаешь, что я зарабатываю за месяц, Артур?

Он растерялся от такого поворота. Она никогда не говорила о прошлом. Никогда не жаловалась.

— Крис, я знаю, что ты сильная женщина, — начал он, но она перебила его, и это было настолько неожиданно, что он даже не сразу нашёлся с ответом.

— Сильная женщина, — повторила она с насмешкой. — Сильная женщина, которая позволила какому-то заключённому выкачать из себя миллионы. Сильная женщина, кото-

рая верила в сказки о любви, пока этот заключённый имел других женщин в тюремных кабинетах. Сильная женщина, которая каждый день смотрит в зеркало и не узнаёт себя. Сильная, Артур? Это не про меня. Это про ту глупую девочку из школы, которая позволила себя обманывать.

Артур почувствовал, как внутри него всё сжимается. Что-то пошло не так. Что-то сломалось в её привычной, такой предсказуемой логике.

— Кристина, — его голос стал жёстче, он перестал при-
творяться мягким и нежным. — Что ты хочешь сказать? Ты
не дашь мне деньги?

На том конце провода повисла долгая, томительная ти-
шина. Артур слышал только своё дыхание и отдалённый гул
офисной суеты за её спиной.

— Я дам тебе деньги, Артур, — наконец произнесла она, и
в её голосе послышалась та самая стальная, бескомпромисс-
ная нотка, которая всегда появлялась у неё, когда она при-
нимала окончательное решение. — Завтра ты получишь их,
как я и обещала. Но запомни одну вещь.

— Какую? — спросил он, чувствуя, как внутри закипает
раздражение.

Она усмехнулась. Это была короткая, холодная усмешка,
от которой у него по спине пробежал неприятный холодок.

— Никогда больше не говори мне о свободе, — сказала
она. — Никогда больше не обещай мне того, чего не можешь
выполнить. И никогда, Артур, никогда не называй меня сво-

ей королевой. Потому что королевы не платят за любовь. Королевы принимают плату.

Он не нашёлся с ответом. Впервые за долгие годы он почувствовал себя неуверенно. Что-то изменилось. Что-то сломалось в его идеальной, такой отлаженной схеме.

— И ещё, — добавила она, уже почти весело. — Передай своему курьеру Олегу, чтобы он был пунктуален. Я не люблю ждать.

Гудки в трубке оборвались. Артур смотрел на телефон, не веря своим ушам. Она только что говорила с ним так, как не говорила никогда. С сарказмом. С вызовом. С холодной, ледяной насмешкой.

Он откинулся на койку и уставился в потолок. Что-то было не так. Что-то изменилось в его идеальной, выверенной системе. Он чувствовал это нутром. Но он не мог понять, что именно.

«Она просто устала, — подумал он, пытаюсь убедить себя. — Она переработала, у неё стресс. Она всё равно даст мне деньги. Она всегда даёт мне деньги».

Но где-то в глубине его сознания, там, где он не любил заглядывать, зародился крошечный, холодный червячок сомнения. Впервые за долгие годы он почувствовал, что теряет контроль.

Кристина сбросила вызов и отшвырнула телефон на стол. Аппарат глухо стукнулся о полированную поверхность и за-

мер. Она сидела неподвижно несколько секунд, глядя в одну точку на противоположной стене, и дышала тяжело, прерывисто, словно только что пробежала марафон. Внутри неё всё кипело, клокотало, требовало выхода.

Она только что сделала то, что не делала никогда. Она ответила ему его же наглостью. Она показала ему зубы. И это было невероятно, до дрожи в коленях приятно.

Кристина подошла к панорамному окну своего кабинета и посмотрела на Москву. Прямо перед ней, в дымке зимнего неба, возвышались стеклянные башни «Москва-Сити» — сверкающие, хищные, недостижимые. Её офис находился всего в нескольких минутах ходьбы от этого делового монстра, но она намеренно не стала арендовать помещение внутри. Слишком много глаз, слишком много внимания. Ей нужна была приватность, тень, в которой она могла бы работать, не привлекая лишних взглядов. Серый зимний город раскинулся перед ней, как огромная, многослойная шахматная доска. И она только что передвинула свою первую фигуру.

Она улыбнулась своему отражению в стекле. В нём больше не было той слабой, испуганной девочки, которая когда-то пряталась от одноклассников в школьном туалете. Только женщина, которая наконец-то вспомнила, кто она есть на самом деле.

Кристина провела ладонью по прохладному стеклу. Пальцы оставили на нём влажный след, который быстро исчез, словно его и не было. Она посмотрела на свои руки —

безупречный маникюр, дорогие кольца, тонкие, ухоженные пальцы. Руки женщины, которая построила империю.

Она вспомнила, как всё начиналось.

Её отец, Михаил Ковалёв, был простым инженером на заводе. Он ушёл из семьи, когда Кристине было двенадцать. Ушёл просто — собрал вещи, сказал матери, что больше не может жить с «этой неудачницей», и исчез. Навсегда. Мать, Наталья, работала медсестрой в районной поликлинике и с трудом сводила концы с концами. Каждый месяц они перебивались от зарплаты до зарплаты, считая копейки, и Кристина носила старые, перешитые из маминых вещей платья, которые вечно были ей велики и сидели как на вешалке.

В школе её не любили. Она была слишком тихой, слишком умной, слишком «бедной» для этой школы, где учились дети местных чиновников и предпринимателей. Её дразнили, над ней смеялись, её толкали в коридорах. Мальчишки прятали её портфель, девчонки шёпотом обсуждали её старые туфли. Она был изгоем. Той самой «заучкой», которую никто не звал на дни рождения, с которой никто не хотел сидеть за одной партой.

Но она никогда не сдавалась. Она училась как одержимая, грызла гранит науки так, что зубы скрипели. По ночам, когда мать уже спала, она сидела за кухонным столом, освещённым тусклой лампой, и зубрила учебники до тех пор, пока буквы не начинали плыть перед глазами. Она знала, что единственный способ выбраться из этой ямы — это образование. Дру-

того пути не было. Ни богатых родственников, ни влиятельных знакомых, ни наследства. Только её собственный ум и труд.

Она поступила в институт с первой попытки, выиграв грант на обучение. В институте она превратилась в машину для достижения целей. Всё, что она делала, было подчинено одной идее — стать успешной. Стать богатой. Стать той, кого никто не посмеет больше унижать. Она работала на трёх работах одновременно — официанткой по вечерам, курьером по выходным, репетитором для студентов младших курсов. Она училась на «отлично», не пропуская ни одной лекции, и выгрызала у жизни каждый свой успех. Спала по четыре часа в сутки, пила литрами кофе и заедала его дешёвыми бутербродами, но никогда не жаловалась. Она знала цену своему будущему.

И она добилась своего. Она стала лучшим нотариусом в Москве. Её имя произносили с уважением, перед ней открывались любые двери. Она построила империю, которой могла гордиться. Империю, которую она выстроила из ничего, из грязи и слёз, из унижений и бессонных ночей. И она поклялась себе, что никогда больше не будет слабой.

А потом появился он. Артур.

Кристина усмехнулась своим воспоминаниям. Она вспомнила, как они встретились в том душном кабинете колонии. Как он смотрел на неё своими холодными, хищными глазами. Как он говорил с ней так, будто она была единствен-

ной женщиной на свете. Он был единственным мужчиной, который видел в ней не просто «успешного нотариуса Ковалеву», а женщину. Женщину, которой дьявольски скучно в этом мире больших денег и пустых улыбок. Он ломал её защиту, разбивал её броню, и она позволила ему это сделать.

Она отдала ему свою душу. Свою гордость. Свои деньги. Свои чувства. Всё, что у неё было. И он просто использовал её.

Кристина сжала кулаки, и по её лицу пробежала тень холодной, ледяной решимости.

Она вспомнила Дмитрия. Своего бывшего мужа. Единственного мужчину, который никогда не врал ей.

Дмитрий Красовский был старше её на пятнадцать лет. Один из крупнейших инвесторов в нефтегазовом секторе. Она познакомилась с ним на одном из юридических семинаров, куда он пришёл как приглашённый спикер. Он сразу заметил её. Она была молода, красива, умна, а главное — она не боялась спорить с ним. Он привык к женщинам, которые заглядывали ему в рот, и Кристина стала для него глотком свежего воздуха. Она спорила с ним о налогах, о схемах, о политике, и он смотрел на неё с восхищением, которого она никогда раньше не видела.

Они поженились через год. Ей было двадцать пять, ему — сорок. Это был брак по расчёту, и она никогда не отрицала этого. Он дал ей деньги, связи, возможность войти в высшие круги. А она дала ему то, чего ему не хватало — чувство

жизни, молодость, искренность, о которой он даже не подзревал. Он был старше, уставшим, потерявшим вкус к жизни, и она зажгла в нём огонь, которого он уже не ожидал.

Они прожили вместе семь лет. Семь лет, которые изменили её полностью. Дмитрий научил её всему, что она знала о бизнесе, о людях, о власти. Он был жёстким, расчётливым, иногда даже жестоким, но он всегда был честен с ней. Он не врал ей. Он не обещал того, чего не мог выполнить. Он говорил ей правду в глаза, даже когда эта правда была горькой. И он уважал её за то, что она умела принимать эту правду.

А потом он умер. Сердечный приступ прямо в своём кабинете, в окружении документов о покупке нового месторождения. Она нашла его. Сидела рядом с ним на полу, сжимая его холодную руку, и не верила, что это происходит на самом деле. Она рыдала, как та самая слабая девочка из школы, которую она так старалась забыть.

Кристина осталась одна. С его деньгами. С его бизнесом. С его связями. Она справилась. Она стала в два раза сильнее, в два раза жёстче, в два раза успешнее. Она построила свою империю на фундаменте, который заложил Дмитрий, но сделала её своей собственной. И она поклялась больше никогда никому не позволять делать из себя слабую, глупую, доверчивую дуру.

И вот теперь она стояла здесь, в своём роскошном кабинете с видом на сверкающие башни «Москва-Сити», и понимала, что Артур Романов сделал с ней то, чего не смог сде-

лать ни один человек за все тридцать четыре года её жизни. Он сделал её глупой. Слабой. Уязвимой. Он превратил её в ту самую неудачницу из школы, которую все презирали. Он заставил её поверить в сказку, которую она сама же ненавидела. И он обокрал её. Не просто на деньги — на самоощущение, на гордость, на силу.

Кристина оторвала взгляд от панорамного окна, за которым сверкали холодные, равнодушные огни Москвы, и решительно взяла со стола телефон. Её пальцы, с идеальным французским маникюром, быстро набрали номер. Гудки в трубке звучали ритмично, в такт её собственному пульсу — ровному, уверенному, пульсу охотницы, которая только что загнала первую жердь в капкан для крупного зверя.

Анна ответила почти сразу. На фоне слышался тихий шорох перелистываемых страниц и гул старой вентиляции — привычные звуки её архивного полумрака.

— Да, Кристина? — голос Анны дрогнул, выдавая колоссальное внутреннее напряжение. Она ждала этого звонка, как приговора.

— Алло, Аня. Игра началась, — голос Кристины звучал обманчиво мягко, но в нём звенела туго натянутая струна. Она отошла от окна и опустилась в своё роскошное кожаное кресло, наслаждаясь моментом. — Наш гениальный комбинатор только что выходил на связь.

Анна по ту сторону провода судорожно выдохнула. — Он звонил? И что... что он сказал? Снова просил деньги?

— Разумеется. Он предсказуем, как дешевый бульварный роман, — Кристина холодно усмехнулась, крутя в руке золотой «Паркер». — Разыграл передо мной очередной акт драмы. В Управлении якобы сменился куратор, и теперь за его свободу нужно занести два с половиной миллиона рублей. Наличными. До завтрашнего дня.

— Два с половиной миллиона?! — ахнула Анна. — Боже... И что ты ответила?

— Я сказала, что он получит свой конверт завтра в два часа дня, — спокойно, чеканя каждое слово, произнесла Кристина.

Повисла долгая, тяжелая пауза. Анна молчала, явно пытаясь переварить услышанное. — Я не понимаю... — наконец пролепетала она. — Кристина, мы же договорились... Ты ведь не собираешься отдавать ему такие деньги? Это же конец всему нашему плану! Мы должны были искать его счета, а не кормить его дальше!

— Успокойся, девочка моя. Никто не собирается финансировать его тюремный курорт, — Кристина поправила волосы, и на её губах заиграла опасная, хищная улыбка. — Он получит свой конверт. Только внутри будут лежать не два с половиной миллиона. Я положу туда ровно сорок тысяч рублей. Мелкими купюрами — сотнями и пятистотками, чтобы конверт казался толстым и увесистым. Идеальная иллюзия

большого куша.

Анна замерла. — Сорок тысяч? — непонимающе переспросила она. — Но... почему сорок? И что будет, когда он или его люди откроют конверт? Он же впадет в ярость! Он сразу поймет, что ты издеваешься!

— Именно в этом и заключается вся красота партии, — голос Кристины стал низким, почти бархатным от предвкушения. — Представь себе эту картину, Аня. Этот великий кукловод, этот хозяин жизни ждет свои миллионы. Его курьер забирает пухлый пакет, привозит, они его вскрывают, а там... жалкая подачка. Сумма, которой едва хватит на пару хороших ужинов в ресторане.

— Он позвонит тебе. Он будет в бешенстве.

— И вот тогда состоится наш главный разговор, — Кристина тихо, сухо рассмеялась. — Когда он начнет брызгать слюной в трубку и требовать объяснений, я включу дурочку. Я сделаю удивленный голос и скажу: «Ой, Артур... Представляешь, я так замоталась с бумагами, что перепутала конверты. Отдала твоему курьеру конверт с мелкими карманными расходами для моей секретарши, а твои миллионы случайно уехали в банк инкассацией».

Анна на том конце провода издала тихий, нервный смешок, в котором смешались ужас и восхищение. — Ты хочешь сказать ему, что просто... ошиблась?

— Да. И это ударит по его раздутому эго сильнее любого открытого конфликта, — жестко припечатала Кристина. —

Артур — нарцисс и психопат. Для него нет ничего страшнее, чем пренебрежение. Если бы я просто отказала, он бы воспринял это как бунт, который нужно подавить. Но сказать ему, что я случайно отправила его «спасение» не туда, потому что была слишком занята своими делами... Это уничтожит его. Он поймет, что он больше не центр моей вселенной. Что он для меня — досадная помеха на уровне ошибки секретарши. Это выбьет его из колеи, заставит нервничать, злиться. А люди в гневе совершают ошибки.

— Это гениально... но и безумно опасно, — прошептала Анна.

— Опасность — это моя стихия, — отрезала Кристина. — Но это еще не всё. Теперь слушай внимательно свою часть задачи. Завтра за деньгами придет его цепной пес. Олег Волков. — Кристина вдруг замолчала.

— И?

— И именно здесь в игру вступаешь ты.

Кристина встала и снова подошла к окну, глядя на снующие далеко внизу, словно муравьи, автомобили. — Завтра к двум часам дня ты должна быть здесь, Аня. Приедешь в мой офис. Точнее, не в сам офис, а в лобби бизнес-центра на первом этаже. Оденешься максимально неприметно. Никаких ярких курток. Очки, шапка, капюшон. Ты сядешь в кофейне возле главного выхода с книгой и будешь пить свой латте. Олег может чуть опоздать. Жди его у лифтов где-то в 14:10 или 14:15.

— И что должна сделать я? — голос Анны дрогнул, в нём прорезался откровенный, животный страх. — Кристина, я архивариус! Я бумажки перекладываю, я никогда ни за кем не следила! А если он меня заметит? А если он опасен?

— Во-первых, он тебя в лицо не знает. Артур слишком параноик, чтобы знакомить своих жертв с курьерами, — стальным тоном парировала Кристина. — Во-вторых, ты невидимка, Аня. Ты сама это говорила. Люди каждый день смотрят сквозь тебя и не замечают. Завтра это станет твоим главным оружием. Как только Олег выйдет из здания, ты должна пойти за ним.

— Куда?

— Туда, куда он понесет мои «миллионы». Мы должны узнать цепочку. Как именно деньги уходят в колонию? Кому он их передает? Очередному коррумпированному ФСИН-овцу? Жене начальника колонии? Подставному лицу? Ты должна стать его тенью. Сядет в метро — садишься в соседний вагон. Пойдет пешком — идешь за ним на расстоянии двадцати метров. Никакой самостоятельности, в контакт не вступать. Просто смотри, куда он придет и кому передаст пакет. И снимай всё на телефон издалека.

Анна тяжело дышала в трубку. Кристина почти физически чувствовала её панику, пробивающуюся через сотовые вышки. — Аня, — голос Кристины вдруг смягчился, став почти ласковым, но это была ласка кобры перед броском. — Вспомни тот корпоратив. Вспомни свою кровать. Вспомни,

как он оставил тебя ни с чем, униженную, в кредитах, и при этом смеялся над тобой. Ты хочешь всю жизнь просидеть в своем архиве, вздрагивая от каждого звонка коллекторов? Или ты хочешь посмотреть, как этот ублюдок будет корчиться, когда мы заберем у него всё?

Тишина в трубке длилась долгих десять секунд. Кристина не торопила её. Она знала, что сейчас внутри Анны происходит тот самый надлом, химическая реакция, превращающая жертву в палача.

— Как выглядит этот Олег? — наконец произнесла Анна. Голос её больше не дрожал. В нём появилась мертвая, пугающая пустота, от которой у самой Кристины одобрительно блеснули глаза.

— Ну такой плотный, русый, около тридцати. На левой скуле шрам, обычно носит черную дутую куртку и прячет глаза под козырьком бейсболки. Дерганый, как наркоман, — Кристина удовлетворенно кивнула самой себе. — Я скину тебе сейчас фото с моих камер видеонаблюдения, он уже попадал в кадр на Кутузовском. Завтра в 14:00 ты должна быть на позиции. И Аня...

— Да?

— Не подведи меня. Завтра мы нанесем ему первый удар. И от того, насколько точно ты сработает, зависит, сможем ли мы добраться до его глотки.

— Я не подведу, — сухо, как выстрел, ответила Анна. — До завтра.

Связь оборвалась. Кристина медленно опустила телефон на стол. Её грудь вздымалась от глубокого, пьянящего дыхания. Она чувствовала, как адреналин обжигает вены.

Она выдвинула нижний ящик своего массивного дубового стола. Там, среди важных юридических документов, лежали несколько банковских пачек с мелкими купюрами. Она достала плотный белый конверт формата А4 — точно такой же, в каком обычно передавала миллионы.

С методичностью хирурга, проводящего ампутацию, Кристина отсчитала ровно сорок тысяч рублей сторублевками и пятисотками. Пачка получилась толстой, внушительной. Она аккуратно вложила её в конверт, заклеила клапан и бросила его на середину стола.

— Свобода стоит дорого, Артур, — тихо прошептала Кристина, глядя на белый прямоугольник, который завтра станет бомбой замедленного действия. — Но ты получишь ровно столько, сколько ты стоишь на самом деле. Ни копейкой больше.

За окном сгущалась московская зимняя ночь, но в кабинете нотариуса Ковалевой только-только начинал разгораться настоящий, беспощадный пожар.

Анна медленно опустила руку. Экран смартфона погас, погрузив её маленькую съёмную квартиру в глухую, давящую тишину. Звуки старой вентиляции, которые только что казались привычным фоном, вдруг начали раздражать, на-

поминая тиканье часов, отсчитывающих время до её личного апокалипсиса.

Она села на край дивана, обхватив плечи руками. Слова Кристины о «первом ударе» и о том, как они «заберут у Артура всё», до сих пор звенели в ушах. Но вместо долгожданного чувства праведного гнева или предвкушения мести Анна вдруг ощутила странную, леденящую пустоту где-то под рёбрами.

«Кем я буду без него?» — этот вопрос вспыхнул в её мыслях внезапно и остро, словно ожог.

Она так привыкла к Артуру. За последние годы он стал осью, вокруг которой вращался её хрупкий, невзрачный мир. Да, это был жестокий мир, полный страха, унижений, вечного ожидания его одобрения и бесконечных долгов, в которые он её втянул. Но это была её реальность. Он звонил — и её сердце замирало; он приказывал — и она выполняла. Артур заполнил собой всё её существование, и теперь, когда Кристина заносила над его головой топор, Анна с ужасом осознала: если этот монстр исчезнет, на его месте останется лишь вакуум.

Анна встала, подошла к зеркалу в прихожей и всмотрелась в своё отражение в тусклом свете одинокой лампочки. На неё смотрела бледная женщина с растрёпанными волосами и искусанными губами.

Она начала вспоминать свою жизнь до него, и к горлу подступил горький ком. Вспоминать, по сути, было нечего.

Жизнь прошла серо, ровно, словно затянутая бесконечным осенним туманом. У неё толком и отношений-то никогда не было. Пока сверстницы бегали на свидания, целовались в подъездах и переживали первые драмы, Анна сидела дома за учебниками. Она всегда была в стороне, невидимкой, тенью на чужих праздниках жизни.

До Артура у неё даже толком секса не было. Она была чуть ли не девственницей в том возрасте, когда это уже кажется не скромностью, а диагнозом. Артур стал её первым настоящим мужчиной в его натуральном воплощении. Он ворвался в её серые будни, как ураган, смял её, подчинил себе, и Анна, ослеплённая его лоском и уверенностью, приняла эту болезненную зависимость за настоящую страсть. Он был единственным, кто вообще разглядел в ней женщину, пусть и сделал это лишь для того, чтобы сломать и использовать.

Анна перевела взгляд на старую, потёртую рамку с фотографией на тумбочке. С глянцевой бумаги на неё смотрела четырнадцатилетняя Аня — улыбающаяся, с сияющими глазами, держащая в руках диплом за первое место в престижной олимпиаде.

Как же горько было об этом думать. Ведь в детстве и юности она подавала огромные надежды. Учителя пророчили ей блестящую карьеру, родители с гордостью говорили родственникам, что их Анечка рождена для большого, богатого будущего. У неё был редкий аналитический ум, феноменальная память, усидчивость. Все были уверены: эта девочка вы-

рвется из провинциальной нищеты, покорит столицу, будет зарабатывать миллионы, носить дорогие костюмы и путешествовать по миру. Она и сама в это верила. Строила планы, мечтала о роскошных квартирах и финансовой независимости.

Но жизнь сложилась как-то так... незаметно, шаг за шагом, сворачивая не туда. Одна упущенная возможность, один неудачный кризис, страх рискнуть в нужный момент, паралич воли — и цепочка случайных событий привела её в этот тупик.

И вот теперь она — никто. Просто архивариус. Женщина, которая похоронена заживо среди стеллажей с пожелтевшими от времени бумагами, чужими отчётами и забытыми документами. Человек, чья работа — перекладывать свидетельства чужих достижений и чужих жизней, пока её собственная окончательно превращается в тлен. Какая ирония: девочка, которая должна была построить империю, теперь просто сдувает пыль с папок в полуподвальном помещении и считает копейки от зарплаты до зарплаты, чтобы отдать долги человеку, который её растоптал.

Анна закрыла глаза, и одинокая слеза скатилась по её щеке. Завтра ей предстояло переступить черту. Стать шпионкой, shadow-агентом Кристины, пойти против Артура. Страх перед Олегом Волковым и завтрашней слежкой был велик, но ещё сильнее был страх перед этой новой, пугающей свободой. Если они победят, ей придется заново учиться ды-

шать и как-то отвечать на вопрос: кто же она такая, эта серая мышка Аня, когда у неё заберут её главного кукловода?

Утро началось с пепельно-серого рассвета, который нехотя просачивался сквозь немытые окна съемной квартиры. Анна стояла перед открытым шкафом, методично перебирая вешалки. Сегодня ей предстояло стать никем. Пустым местом. Тенью.

Слова Кристины — *«никаких ярких курток»* — пульсировали в висках. Анна выудила из недр шкафа выцветшее темно-серое худи, черные джинсы без опознавательных знаков и старую, застиранную черную шапку крупной вязки. В сочетании с потертыми кроссовками и отсутствием макияжа образ получился идеальным. В таком виде она сливалась с московской толпой, становилась одним из тех безликих пикселей, по которым скользит, не задерживаясь, человеческий взгляд.

Она как раз натягивала худи, когда тишину квартиры разорвал звонкий, неуместно жизнерадостный рингтон. Анна вздрогнула, едва не выронив телефон из рук. На экране светилось: **«Мама»**.

Анна зажмурилась, сделала глубокий вдох, пытаясь загнать ледяную панику обратно в грудь, и нажала на зеленую кнопку.

— Да, мам. Доброе утро, — её голос прозвучал на удивление ровно.

— Анечка, доброе! Не разбудила? — по ту сторону связи раздался теплый, домашний голос матери, на фоне которого уютно свистел закипающий чайник. — Ты уже собираешься на свою работу?

— Да, уже одеваюсь.

— Как ты там, доченька? Голос какой-то уставший. Артур не звонил?

У Анны внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Мама. Добрая, наивная мама, живущая за тысячу километров от Москвы в маленьком провинциальном городке, где самой большой новостью была замена асфальта на центральной улице. Мама не знала ничего. Ни про долги в микрофинансовых организациях, ни про ночные истерики, ни про унижения. И уж тем более она не знала, что «успешный бизнесмен и инвестор» Артур, которым она так гордилась перед соседками, прямо сейчас сидит в тюрьме.

Для матери Артур был в затяжной, очень важной командировке.

— Звонил, мам, — Анна выдавила из себя легкий смешок, от которого самой стало тошно. — Вчера вечером болтали. У него всё хорошо.

— Всё еще в Дубае своем? — с уважительным придыханием спросила мать. — Господи, когда ж он уже прилетит? Полгода мотается, бедный. А как прилетает, так всё дела да дела, даже увидеться не можем.

— Скоро, мам. У него там... важные контракты закрыва-

ются. Говорит, что, возможно, к концу месяца уже вернется в Москву, — Анна врала так гладко, словно читала по заученному сценарию. Эта ложь давно стала её второй кожей.

— Ты уж держись за него, Аня, — наставительно произнесла мать. — Такие мужчины на дороге не валяются. Умный, перспективный, не пьет. Да, занятой, да, редко видимся, но зато какое будущее у вас будет! Глядишь, скоро и о внуках подумаете...

— Это пока вряд ли...

— А ты сама-то как, доченька? — мама вдруг сменила тему, и голос её стал тревожным. — Поправилась хоть немного? А то на фотографиях всё смотришься какой-то бледной, изможденной. В Москве-то небось опять один фастфуд ешь, некогда готовить?

Анна прижала телефон к уху сильнее, чувствуя, как комок в горле становится всё тяжелее. Она едва вспомнила, когда последний раз ела что-то, кроме остывшего чая и бутербродов из супермаркета.

— Всё нормально, мам, — ответила она как можно бодрее. — Просто дел навалилось много, сезон такой.

— Дела делами, а здоровье по расписанию! — не унималась мать. — Кстати, я на той неделе тебе посылку отправила: варенье малиновое, носки шерстяные связала, чтоб ноги в тепле были. На почте проверяла? Может, извещение уже пришло?

— Еще не успела, мам, — тихо сказала она. — Зайду на

дней обязательно, как только с отчетами закончу.

— Ты уж держись за него, Аня, — настаивающе произнесла мать. — Такие мужчины на дороге не валяются. Умный, перспективный, не пьет. Да, занятой, да, редко видимся, но зато какое будущее у вас будет! Глядишь, скоро и о внуках подумаете... Ладно, беги на работу, мышка моя. Целую!

— И я тебя, мам. Пока.

Анна опустила телефон на гладильную доску и уставилась в стену невидящим взглядом. Тошнота подкатила к горлу. *«Какое будущее у вас будет...»*.

Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Эта спасительная ложь, которую она выстроила для родителей, чтобы не казаться в их глазах полной неудачницей, скоро рухнет. Если план Кристины сработает — а он должен сработать, иначе Анна просто не выживет, — Артур исчезнет из её жизни навсегда. И что тогда?

Ей придется придумывать новую теорию для мамы. Что она скажет? «Мам, мы расстались, потому что мы не сошлись характерами»? Или «Он нашел себе богатую арабскую шейху»? Придется сочинять красивую, социально приемлемую драму, пряча за ней уродливую правду. Правду о том, что её «принц» выпотрошил её досуха, оставив с разбитой самооценкой и кредитами на чужое имя. Мысль о том, что ей снова придется врать, выстраивая новые декорации своей фальшивой жизни, вызывала глухое отчаяние. Но думать об этом сейчас было нельзя. Время не ждало.

13:58. Лобби бизнес-центра «Москва-Сити».

Здесь пахло большими деньгами: дорогим парфюмом, свежесваренным кофе из зерен спешелти-обжарки и холодной полировкой мрамора. Мимо Анны непрерывным потоком шли люди. Мужчины в идеально скроенных костюмах, женщины в кашемировых пальто с сумками, стоимость которых превышала годовой доход Анны в архиве.

Она сидела за крошечным столиком в углу сетевой кофейни, расположенной прямо напротив зоны турникетов и лифтов. Черная шапка была натянута почти до бровей, объемный капюшон худи создавал дополнительную тень. В руках Анна сжимала картонный стаканчик с остывшим латте, а перед ней лежал раскрытый томик какого-то детектива. Она не прочитала ни строчки.

Её глаза, скрытые за дешевыми солнцезащитными очками (Кристина была права — здесь, среди московского гламура, очки в помещении выглядели скорее как претензия на стиль, чем как маскировка), неотрывно следили за табло лифтов.

14:00. Сердце стучало так громко, что Анне казалось, будто этот звук эхом разносится по всему огромному лобби. Ладони взмокли. Она прокручивала в голове фотографию, которую прислала Кристина: худой, русый, шрам на левой скуле, черная дутая куртка, бейсболка. Олег Волков. Цепной пес.

14:01. Анна нервно сглотнула, чувствуя, как во рту пересохло. Скоро он появится. Скоро он поднимется к нотари-

усу Ковалевой, получит конверт с жалкими сорока тысячами вместо миллионов, и игра перейдет в активную фазу. Анна мысленно повторила свой маршрут: дать ему выйти через вращающиеся двери, досчитать до десяти, пойти следом. Держать дистанцию. Не смотреть в глаза. Снимать.

14:02. До времени «Ч» оставались считанные минуты. Анна напряглась, словно сжатая пружина, готовая сорваться с места, когда вдруг тишину её внутреннего напряжения разорвала вибрация.

Телефон, лежащий на столе рядом с книгой, мелко зажуужал.

Анна вздрогнула. Она ожидала короткого сообщения от Кристины — *«Он в лифте»* или *«Приготовься»*. Не сводя глаз с турникетов, она скосила взгляд на светящийся экран мобильного.

В груди что-то оборвалось и с ледяным грохотом рухнуло вниз. Воздух мгновенно покинул легкие.

На экране светился входящий звонок. Это был не курьер. И не Кристина. Звонил неизвестный номер, начинающийся с характерных цифр, которые она выучила наизусть. Номер, с которого могли звонить только через контрабандный телефон из-за бетонных стен СИЗО.

Артур.

Он звонил ей прямо сейчас. За две минуты до того, как его курьер должен был забрать фальшивые миллионы.

14:03. Цифры на экране смартфона пульсировали, как

таймер взрывного устройства.

Анна замерла, чувствуя, как по спине, под теплой тканью худи, скатывается ледяная капля пота. Глаза метались между светящимся экраном с неизвестным, но до боли знакомым номером и табло лифтов, где красные цифры неумолимо отсчитывали этажи вниз: 10... 9... 8... Там, в одной из этих металлических кабин, ехал Олег Волков.

Если она не возьмет трубку, Артур заподозрит неладное. Он всегда требовал абсолютной доступности. Он мог звонить в три часа ночи, во время её работы, в душе — и она обязана была отвечать.

Дрожащим пальцем Анна провела по экрану и поднесла телефон к уху.

— Анечка... Девочка моя родная, — бархатный, глубокий голос Артура ворвался в её сознание, мгновенно воскрешая в памяти сотни таких же разговоров. Голос паука, ласково пеленающего муху. В нём не было ни капли тюремной грубости — только мягкая, обволакивающая нежность. — Как ты там, мышка? Скучаешь по мне?

— Да... Да, Артур. Привет, — Анна с трудом сглотнула, не сводя глаз с турникетов. 6... 5...

— Я тоже скучаю, безумно, — сладко проворковал он, и Анна почти физически ощутила его уверенную улыбку. — Слушай меня внимательно, малыш. У нас отличные новости. Лёд тронулся. Мой адвокат нашел нужных людей, и двери этой клетки почти открыты. Я уже чувствую запах свободы,

Аня. Мы скоро поедem с тобой к морю, как я и обещал. Но есть одна маленькая заминка. Последний рывок.

4... 3... У Анны перехватило дыхание.

— Что случилось? — пискнула она, даже не притворяясь испуганной — страх перед появлением Олега был абсолютно реальным, и Артур на том конце провода воспринял эту дрожь в её голосе на свой счет.

— Нужно смазать еще пару шестеренок в этой проклятой машине. Сущие копейки для моего освобождения, — тон Артура стал деловым, но всё таким же ласковым. — Мне нужно двести тысяч. Срочно. До вечера. Перекинешь на ту же карту, что и в прошлый раз. Это последний раз, клянусь тебе. Как только я выйду, я озолочу тебя, ты же знаешь.

Двести тысяч. Очередные двести тысяч, ради которых она должна была бы пойти в микрофинансовую организацию, заложить остатки своей никчемной жизни, умолять, плакать, подписывать кабальные договоры. Раньше она бы уже рыдала в трубку, клянясь, что всё найдет. Но сейчас...

2... 1... Двери одного из лифтов плавно разъехались.

— Артур... я... я постараюсь, — скороговоркой, задыхаясь от паники, зашептала Анна. Из лифта вышли несколько человек в костюмах. За ними, поправляя козырек бейсболки, шагнул худощавый мужчина в черной дутой куртке. На левой скуле виднелся бледный шрам. Олег. Он прижимал к груди плотный белый конверт.

— Что значит «постараюсь», Аня? — в бархатном голосе

Артура проскользнула едва уловимая сталь. — Ты должна...

— Я найду! Я найду, Артур! — перебила она его, вжимаясь в спинку кресла и опуская голову так низко, чтобы козырек капюшона полностью скрыл лицо. Олег прошел через турникеты, озираясь по сторонам дерганым, нервным взглядом. — Просто я сейчас не могу говорить! Совсем!

— В смысле не можешь? — Артур откровенно опешил.

— Меня начальник вызывает! ЧП в архиве, комиссия приехала! — Анна лепила первое, что приходило в голову, чувствуя, как Олег проходит мимо кофейни всего в десяти метрах от нее. — Если я сейчас не побегу, меня уволят по статье! Я всё сделаю, Артур. До связи!

— Аня, стой... — начал было он, но Анна сбросила вызов, бросив телефон в карман.

Она выждала, пока фигура в дутой куртке скроется за вращающимися дверями бизнес-центра, досчитала до десяти, бросила на стол смятую купюру за кофе и скользнула следом, превращаясь в бесшумную тень.

Глава 4.

Артур сидел на нижней шконке, уставившись на погасший экран дешевого контрабандного смартфона. В камере пахло сыростью, нестираным бельем и дешевым табаком — запахи, которые он ненавидел всеми фибрами своей утонченной, эстетской души. Здесь, среди облупленных стен и тяжелых решеток, этот аппарат был его единственной нитью к прошлой жизни. Его пультом управления.

Но сейчас этот пульт почему-то не сработал.

— «До связи»? — вслух, медленно произнес Артур, пробуя это словосочетание на вкус.

Он нахмурился. Короткие гудки отбоя всё еще звенели в ушах, оставляя после себя липкое, неприятное чувство потери контроля. Анна сбросила вызов. Его послушная, забитая, преданная, как дворовая собака, Анна повесила трубку первой.

Артур откинулся спиной на холодную стену, нервно крутя телефон в руках. Что-то было не так. Его безупречный аналитический ум, привыкший просчитывать людей как шахматные партии, вдруг натолкнулся на слепое пятно.

Он начал методично прокручивать в голове последние события, и с каждой секундой невидимая пружина тревоги внутри него сжималась всё туже.

Вчерашний разговор с Кристиной. Она должна была бить-

ся в истерику. Должна была умолять, торговаться, плакать, когда он заломил цену за свою «крышу» в два с половиной миллиона. Он ждал привычной бури эмоций — гнева, страха, отчаяния. Вместо этого она ответила холодно. Сухо. *«Он получит свой конверт завтра в два часа дня»*. В её голосе не было надрыва, к которому он так привык. Там было что-то другое. Какая-то звенящая пустота, похожая на насмешку.

А теперь Анна. Эта серая библиотечная мышь, которая обычно висела на линии, пока телефон не разрядился, ловя каждый его вздох, вдруг затараторила про какого-то начальника и комиссию.

«Меня уволят по статье!» — прозвучало в голове Артура.

Ну и что? Какое ей дело до её убогой работы за копейки, когда звонит Он? Он — смысл её существования! Раньше она бы плюнула в лицо этому начальнику, лишь бы выслушать Артура до конца. А сегодня она торопилась так, словно... словно у неё было дело поважнее.

Артур вскочил со шконки и начал мерить шагами тесное пространство камеры: три шага до раковины, разворот, три шага до двери.

Совпадение? Две женщины, которые были его главными ресурсами, две марионетки, висящие на совершенно разных нитках, вдруг одновременно дали сбой. Обе стали вести себя не по сценарию в один и тот же период времени.

«Бред. У меня паранойя. Слишком долго сижу в этой

клетке», — попытался успокоить себя Артур, массируя виски. — «Они даже не знакомы. Они живут в разных мирах. Кристина — зажавшаяся стерва в Москве-Сити, Анна — пыльная моль в своем архиве. Между ними нет точек соприкосновения. Просто совпадение».

Но липкий, холодный червь сомнения уже заполз под черепную коробку. Артур посмотрел на время. 14:04.

Прямо сейчас Волков должен забрать конверт у Кристины. Два с половиной миллиона. Если эти деньги придут, значит, всё в порядке. Значит, Кристина просто строила из себя ледяную королеву, а Анна действительно испугалась увольнения. Нужно просто дождаться звонка от Олега.

Он снова сел на койку, уставившись на телефон. Обычно уверенный в себе, блестящий манипулятор, сейчас Артур чувствовал себя слепым, идущим по минному полю. Воздух в камере казался густым, дышать становилось тяжело. Он ненавидел ждать. Ненавидел зависеть от других.

«Давай, Олег. Звони. Скажи мне, что пакет у тебя и он тяжёлый», — как мантру, прошептал Артур в полумрак камеры.

Он еще не знал, что его идеальная империя лжи и контроля уже дала глубокую трещину, и в этот самый момент худая женщина в надвинутой на глаза шапке бесшумно следует за его курьером по шумным улицам Москвы, снимая на камеру каждый его шаг. Механизм возмездия был запущен, и обратного пути уже не было.

Спуск в недра московского метро казался Анне погружением в преисподнюю. Гулкий шум эскалатора бил по натянутым нервам, но она не отрывала взгляда от черной дутой куртки, маячившей в десяти метрах впереди. Олег Волков двигался нервно, то и дело оглядываясь, но Анна успевала растворяться за спинами плотной толпы. Черная шапка, надвинутый капюшон, взгляд, опущенный в пол, — она стала идеальной невидимкой, призраком, скользящим по пятам своей жертвы.

В вагоне поезда она встала у противоположных дверей, отвернувшись к темному стеклу. В его отражении Анна видела, как Олег прижимает к груди пухлый пакет. Он думал, что там два с половиной миллиона. Если бы он только знал, что везет бомбу.

На «Тургеневской» Олег выскочил из вагона за секунду до закрытия дверей. Анна, нарушив все правила конспирации из кино, едва успела протиснуться следом, больно ударившись плечом о створку. Выйдя на Сретенский бульвар, Олег сбавил шаг. Морозный воздух обжигал легкие, но Анна не чувствовала холода. В ней кипел адреналин.

Олег остановился у памятника Крупской. Анна нырнула за газетный киоск, осторожно выглядывая из-за витрины. К Волкову приближалась девушка.

Молодая, лет двадцати двух, не больше. Эффектная, в дорогом светлом пальто, с растрепанными по плечам светлы-

ми волосами. Анна нахмурилась. Кто это? Родственница начальника колонии? Подкупленная сотрудница ФСИН?

Олег коротко кивнул блондинке. Они не обнялись, не пожали руки — просто пошли рядом, как люди, которые хорошо друг друга знают, но не хотят привлекать внимание. Анна двинулась за ними, сохраняя дистанцию.

Парочка свернула в узкий переулок и юркнула в неприметную дверь уютного итальянского кафе. Анна выждала минуту. Сердце колотилось так, что темнело в глазах. Сделав глубокий вдох, она потянула на себя тяжелую дубовую ручку.

Внутри пахло базиликом, чесноком и дорогим кофе. Полумрак скрывал лица посетителей. Олег и незнакомка сидели в дальнем углу, за столиком, отгороженным от зала высокой деревянной перегородкой с искусственным плющом. Идеальное место для секретов. Анна, ссутулившись и натянув капюшон еще ниже, скользнула за соседний столик, оказавшись к ним спиной. Между ними была лишь тонкая деревянная стенка и зелень.

К ней подошел официант. — Эспresso. И счет сразу, — бросила Анна глухим шепотом, не поднимая глаз. Официант кивнул и исчез.

Анна затаила дыхание, превратившись в один большой оголенный нерв. Сначала доносились лишь обрывки ничего не значащих фраз. Олег и девушка разыгрывали спектакль «встреча старых друзей»: говорили о какой-то погоде,

о пробках. Но как только им принесли заказ, их тональность резко изменилась. Голоса упали до напряженного, болезненного шепота.

— Ты привез? — голос девушки, казавшийся до этого звонким, теперь дрожал, как натянутая струна.

— Да, Марина, всё здесь, — глухо отозвался Олег. Звук шуршащей бумаги. Олег передавал ей конверт. — Артур сказал, что тут хватит на всё. И на нужных людей, и на твою «премию».

Анна вцепилась побелевшими пальцами в край стола. *Марина? Премия?*

— Я не могу больше, Олег... — вдруг всхлипнула Марина, и в этом звуке было столько непритворного животного ужаса, что у Анны по спине побежали мурашки. — Я схожу с ума. Он просит от меня слишком многого! Слишком!

— Тихо ты, не истери, — зашипел на нее Волков. — Нормально всё будет. Ты же раньше проносила.

— Раньше это были телефоны и симки! — отчаянно зашептала Марина, едва сдерживая слезы. — А теперь что?! Ты вообще понимаешь, что он заставляет меня делать? Эти вещества... Олег, там же собаки! На краткосрочных свиданиях шмонают так, что душу выворачивают! Если у меня найдут эту дрянь, меня закроют лет на десять! Я не хочу в тюрьму из-за его appetитов!

Анна перестала дышать. Мир вокруг начал медленно вращаться. *Вещества? Артур заставляет её таскать ему что-*

то запрещенное?!

— Успокойся. Он всё продумал, — голос Олега звучал неуверенно, он явно сам нервничал. — Риск есть, но посмотри на этот пакет. Тут бабки, Марина. Огромные бабки. За один такой пронос ты сможешь год жить и ни в чем себе не отказывать.

— Да подавись ты этими бабками! — зло, сквозь зубы выплюнула Марина. — Я что, дура слепая? Я знаю, чьи это деньги! Это деньги этой старой богатой суки Кристины! Он берет у неё миллионы, чтобы расплачиваться ими за свою комфортную отсидку, да еще и мне крохи с барского стола кидает!

Внутри Анны что-то с оглушительным треском лопнуло.

— Артур сказал, что у них с Кристиной чисто деловые отношения, — попытался оправдаться Волков, но Марина его перебила.

— Ой, закрой рот! Деловые отношения! — она издала нервный, злой смешок. — Он мне в любви клянется каждую ночь по телефону! Говорит: «Мариночка, потерпи, я эту нотариусшу выдóю до копейки, она просто мой кошелек на ножках, я с ней даже не сплю, мне только ты нужна!» Врет, как дышит! Я же вижу, как она на него смотрит на фотографиях, которые он мне сам же и пересылал, чтобы похвастаться. А я для него просто молодая дура, которой можно рисковать, подкладывая ей под одежду всякую дрянь!

Официант бесшумно поставил перед Анной крошечную

чашку эспрессо и чек, но она даже не моргнула. Она сидела, парализованная, уничтоженная, раздавленная услышанным.

Пазл, который так долго не сходился в её голове, вдруг сложился в уродливую, чудовищную картину.

Три. Их было три.

Кристина — богатая, властная спонсорша, уверенная, что она контролирует ситуацию, из которой Артур тянул миллионы. Марина — молодая, красивая, влюбленная девочка, которую он использовал как расходный материал, смертницу, таскающую ему запрещенные вещества под угрозой огромного срока. И она. Анна. Серая мышь. Бесплатная рабыня. Удобная подушка безопасности, на которую он оформлял кредиты, чтобы гасить свои мелкие долги на воле, пока не вытащит крупный куш из Кристины.

Анна сидела ни жива ни мертва. До этого момента она думала, что её трагедия — это любовный треугольник, где есть она (истинная, хоть и страдающая любовь) и богатая Кристина (соперница). Но реальность оказалась настолько циничной, что от неё тошнило. Артур не любил никого. Он был пауком, который раскинул паутину в трех разных углах. Он врал Марине, что не спит с Кристиной. Он врал Кристине, что она — его королева. Он врал Анне, что скоро они уедут к морю.

«Я для него даже не женщина», — с леденящей ясностью поняла Анна. — «Я для него просто инструмент. Как молоток или отвертка. А Марина — как отмычка».

Её руки задрожали так сильно, что кофе выплеснулся из чашки на белоснежное блюдо. Шок был настолько глубоким, физическим, что у неё свело желудок. Вся её жизнь последних лет, все её слезы, все её надежды на «светлое будущее», о котором сегодня утром щебетала мама, — всё это было просто декорацией в театре одного психопата.

— Забирай пакет, — донесся до неё глухой голос Олега, возвращая в реальность.

Анна медленно, стараясь не издавать ни звука, поднялась. Ей больше не нужно было ничего слушать. Она знала всё. И самое главное — теперь она знала, что конверт, который Марина прямо сейчас прячет в свою дорожную сумку, полон резаной бумаги и жалких сотенных купюр. Завтра, когда Марина привезет это в тюрьму Артуру вместо двух миллионов... начнется ад.

Оставив на столе нетронутый кофе, Анна выскользнула из кафе на ледяную улицу. Она прислонилась спиной к холодной кирпичной стене и посмотрела на серое московское небо. Впервые за много лет ей не было страшно. Страх сгорел в пепел, оставив после себя лишь холодную, кристально чистую ненависть.

Холодный, пронизывающий до костей ветер со Сретенского бульвара ворвался под капюшон, но Анна не почувствовала холода. Её всю била крупная, неуправляемая дрожь, шедшая откуда-то изнутри, из самых глубин разбито-

го вдребезги сознания. Она шла по тротуару, почти не разбирая дороги, натываясь на редких прохожих, которые раздраженно оборачивались ей вслед. В ушах всё ещё стоял звонкий, ядовитый смех этой блондинки из кафе. Марины.

«Кошелек на ножках... Я с ней даже не сплю...» — эти слова Артура, пересказанные его любовницей, крутились в голове Анны безумным, заикленным треком.

Она остановилась у глухой кирпичной стены какого-то старого московского переулочка, тяжело привалилась к ней спиной и достала из кармана куртки телефон. Пальцы не слушались, они стали чужими и ледяными. С третьей попытки она разблокировала экран и отыскала контакт Кристины. Экран моргнул. Пошел вызов. Каждые несколько секунд ожидания казались Анне вечностью, пока в трубке наконец не щелкнуло.

— Слушаю, — голос Кристины взорвался в динамике привычной, ледяной деловой уверенностью. Было слышно, как на заднем плане шуршат какие-то важные бумаги. — Надеюсь, у тебя есть результаты, Аня.

— Нас не двое, Кристина, — выдохнула Анна прямо в микрофон. Голос её сорвался на сиплый, едва узнаваемый хрип. — Нас трое. Мы обе — дуры. Полные, конченные дуры.

На том конце провода воцарилась абсолютная, мертвая тишина. Шорох бумаг мгновенно прекратился. Анна почти физически почувствовала, как Кристина замерла в своем роскошном кресле за дубовым столом, а её идеальная осанка

натянулась, как струна.

— Говори внятнее, Анна. И смени этот тон, — в голосе Кристины прорезалась опасная, змеиная сталь. — Что значит «нас трое»? Олег взял конверт? Где он?

— Олег выполнил приказ. Он отвез твои «миллионы» в кафе на Сретенском бульваре, — Анна истерически усмехнулась, вытирая свободной рукой набежавшую слезу, которая тут же замерзла на щеке. — Но там его ждал не куратор. Его ждала девчонка. Блондинка. Молодая, красивая. Её зовут Марина. И это к ней уходят твои деньги, Кристина. Точнее, через неё — к Артуру. Марина живет прямо там, у стен исправительной колонии номер 5.

Кристина резко выдохнула, словно её ударили под дых. Но Анна не остановилась. Её прорвало. — Он платит ей твоими деньгами за этот риск. Но это не всё, Кристина. Он спит с ней. Вернее, он клянётся ей в любви. Он убедил её, что ты — просто старая, зажавшаяся сука. Его «кошелек на ножках». Он убедил её, что у вас чисто деловые отношения, что он с тобой даже не спит и использует тебя только ради денег, чтобы выйти из этой колонии. Он пообещал ей, что как только выдлит тебя досуха, они заберут все бабки и уедут. Он пересылал ей твои фотографии, Кристина! Они вместе смеялись над тобой!

В трубке снова повисла тишина, но теперь она была другой — тяжелой, удушающей, как перед взрывом вакуумной бомбы. Анна слышала лишь прерывистое, свистящее дыха-

ние Кристины. Богатая, влиятельная женщина, которая считала себя великим гроссмейстером в этой игре, только что узнала, что её опустили на уровень глупой, обманутой содержанки, чьи деньги идут на оплату доз и шмоток для молодой девки.

— Он... так сказал? — голос Кристины изменился до неузнаваемости. Он стал низким, хриплым, вибрирующим от дикой, первобытной обиды и злости. — «Кошелек на ножках»? Не спит со мной?..

— Да. Марина в ярости от того, что Артур требует проносить всё больше дряни, она боится тюрьмы, но он её контролирует. Пакет сейчас у неё. Завтра утром у неё назначено свидание в исправительной колонии номер 5. Она понесет твой конверт туда. Кристина, что нам делать? Там же сорок тысяч мелкой купюрой! Когда они вскроют его... Артур поймет, что его раскрыли!

— Замолчи и слушай меня, — Кристина перебила её резко, как выстрел. Её разум, закаленный годами жестких бизнес-сражений, начал стремительно возвращать контроль над эмоциями. Ярость трансформировалась в ледяной, хирургический расчет. — Артур ничего не поймет. Вернее, он подумает не на меня. Для него я — покорная дура, которая послушно привезла миллионы. Если в конверте окажется резаная бумага и сорок тысяч рублей — кто виноват?

Анна на секунду задумалась, и её глаза расширились. — Олег... или Марина.

— Именно, — Кристина зловеще, тихо рассмеялась. Этот звук заставил Анну вздрогнуть. — Артур — параноик. Он решит, что его предали собственные псы. Что Олег вскрыл пакет и подменил деньги, либо что Марина решила прикарманить его миллионы. Завтра на свидании в колонии он устроит ей такой ад, какого она в своей жизни не видела. Он уничтожит её. Она выйдет оттуда полуживой от страха. И вот здесь, Аня, наступает твоя задача.

— Что я должна делать? — Анна снова почувствовала, как к горлу подступает паника.

— Сегодня же бери билет и поезжай в эту глухомань. Завтра утром ты должна караулить её у ворот исправительной колонии номер 5. Марина выйдет оттуда в состоянии полной, абсолютной истерики и краха. Ты должна подстроить сцену знакомства. Упади перед ней... Я не знаю... Или, или проследи за ней, а потом притворись будто ты из газовой службы, напросись к ней домой... Не знаю, придумай что-нибудь!

Кристина сделала паузу, чеканя каждое слово: — Ты должна сделать так, чтобы вы оказались у неё дома, в этой деревне. Она будет напугана, ей нужно будет выговориться, а ты станешь её идеальной, случайной попутчицей. Ты должна вытянуть из неё всё. Мне нужны даты, цифры, имена. Как именно они проносят дрянь в ИК-5, кому дают взятки, где хранятся документы Артура, если они у неё в этом доме. Ты выпотрошишь её до последнего секрета, но себя не выдашь. Никаких намёков на меня или на то, кто ты такая. Ты — про-

сто несчастная прохожая. Ты поняла меня?

— Да... — тихо произнесла Анна, понимая, что колеса этой страшной машины уже крутились на полной скорости.

— Если ты сделаешь всё правильно, мы сотрем его в порошок. До завтра, Аня.

Связь прервалась. Анна медленно опустила руку с телефоном. Воздуха катастрофически не хватало. Ей предстояло отправиться в логово врага.

Утро в ИК-5 началось с привычного, тоскливого лая собак и хриплых криков конвойных, разгоняющих заключённых по плацу. Но для Артура Романова этот день не был привычным. С самого рассвета он чувствовал липкое, гнетущее напряжение, которое висело в воздухе каптерки, как туман перед грозой. Он почти не спал. Всю ночь ворочался на жёсткой шконке, прокручивая в голове вчерашний разговор с Кристиной и странный, скомканный звонок Анны. Что-то было не так. Но он не мог понять, что именно.

Артур встал, умылся ледяной водой из ржавого крана, натянул чистую робу и сел ждать. Сегодня утром он должен был получить конверт. Его Птичка, Марина, работала сегодня в первую смену в комнате досмотра посылок. Она должна была принести конверт, как только переступит порог колонии. Два с половиной миллиона. Последний транш, который откроет ему двери на свободу.

Он ждал. Минуты тянулись как часы. Артур нервно по-

стукивал пальцами по колену, прислушиваясь к шагам в коридоре. Наконец, в дверь каптерки тихо постучали — условный сигнал: два коротких, один длинный. Артур вскочил, открыл дверь. В проёме стояла Марина — бледная, испуганная, под глазами залегли тени. Она явно не спала всю ночь, мучаясь от страха быть пойманной с конвертом. В руках она держала тот самый плотный белый конверт.

— Артур... я принесла, — прошептала она, оглядываясь на пустой коридор. — Я боялась идти. На КПП кинолог был с собакой, у меня чуть сердце не остановилось...

Артур быстро втащил её внутрь каптерки и запер дверь на засов. Он взял конверт из её дрожащих рук и бегло осмотрел его. Толстый, увесистый — именно так и должен был выглядеть пакет с двумя с половиной миллионами. Он чувствовал тяжесть денег сквозь бумагу.

— Умница, Птичка, — его голос был мягким, почти ласковым, но глаза оставались холодными, сканирующими. — Ты сделала всё правильно. Теперь иди к себе в кабинет, делай вид, что ничего не произошло. Никто не должен знать, что ты была здесь.

Марина облегчённо выдохнула. Ей казалось, что самый страшный этап позади. Она быстро кивнула, выскользнула из каптерки и исчезла в полумраке коридора.

Артур проводил её взглядом, затем снова запер дверь и подошёл к столу. Конверт лежал перед ним. Он взял его в руки, чувствуя приятную тяжесть. Два с половиной миллио-

на. Сейчас он откроет его, пересчитает деньги, и путь к свободе станет на шаг короче.

Он разорвал резинку и вскрыл конверт.

То, что он увидел, заставило его кровь застыть в жилах.

Вместо аккуратных пачек купюр на стол посыпалась нарезанная бумага — мелкие, белые полоски, словно кто-то просто порвал старые газеты. Среди этого мусора валялась тонкая, почти жалкая пачка настоящих денег. Артур взял её в руки, пересчитал. Сорок тысяч. Ровно сорок тысяч рублей. Мелкими купюрами. И больше ничего.

Он сидел неподвижно, глядя на этот позор, на эту насмешку, на этот удар в самое сердце его самолюбия. Два с половиной миллиона. А здесь — сорок тысяч. Это было не просто оскорбление. Это было объявление войны.

Лицо Артура медленно, словно в замедленной съёмке, начало искажаться. Кровь прилила к щекам, глаза налились бешеной, животной яростью. Он сжал пачку денег так, что купюры превратились в бесформенный комок. Вены на его шее вздулись, на лбу выступила испарина. Он хотел закричать, разбить что-то, но он был в каптерке, и каждый звук мог привлечь внимание. Он сдержался, но внутри него бушевал настоящий ураган.

«Кристина... сука...» — прошипел он сквозь зубы. Мысль о том, что она посмела так унижить его, так оскорбить его, была невыносима. Он, Артур Романов, которого боялись авторитеты, которому подчинялись надзиратели, ко-

того любили женщины, — он был обведён вокруг пальца! Эта столичная стерва, которой он выкручивал руки на свиданиях, которую он брал грубо, сломал её гордость, осмелилась подсунуть ему вместо миллионов жалкие сорок тысяч!

Но Артур был профессионалом. Он быстро взял себя в руки. Первым делом он спрятал оставшуюся часть конверта и нарезанную бумагу под матрас — всё это должно было остаться в тайне. Затем он достал свой нелегальный телефон и набрал номер Олега. Тот взял трубку на втором гудке.

— Да, Артур Сергеевич, я на связи! — голос Олега был привычно подобострастным.

— Волков, — голос Артура звучал ледяным, почти безжизненным шёпотом, но в нём сквозила такая опасность, что Олег на том конце провода инстинктивно выпрямился. — Ты вчера забрал конверт у Кристины?

— Да, Артур Сергеевич, как вы и сказали. Всё было чётко: зашёл, она передала мне конверт, я сразу ушёл. Ни с кем не разговаривал, хвостов за мной не было. Я его передал Марине в кафе, она его взяла, я ушёл. Всё как всегда!

— Ты вскрывал конверт, Волков? — голос Артура упал до шёпота, но этот шёпот был страшнее любого крика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.